

II.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

КНЯЗЬ П. И. БАГРАТИОНЪ. (*)

(Статья третья.)

ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1806—1812 г.

XV.

Осада Силистрии.—Письмо Платова къ Илиязь-оглу и отвѣтъ на него. — Сраженіе при Татарицѣ.—Отступленіе отъ Силистрии и просьба о позволеніи перейти на лѣвую сторону Дуная.

Князь Багратионъ неутомимо работалъ подъ Силистріей. Бомбардируя крѣпость со всѣхъ батарей, устроенныхъ какъ на острову противъ крѣпости, такъ и на прибрежьяхъ Дуная, онъ употреблялъ всѣ усилія къ послѣдному овладѣнію ею. Между тѣмъ, 5-го октября полученъ былъ отъ Илиязь-оглу, коменданта крѣпости, на имя Платова отвѣтъ, не обнаруживавшій никакой со стороны его податливости.

„Воздавъ должную дань дружбѣ — писалъ онъ — мы изъясняемъ здѣсь, что мы васъ предварительно запискою нашею уведомили, что отвѣтъ, который слѣдовало сдѣлать на писемъ ваше къ намъ, посланъ будетъ въ субботу. Но, не дождавшиса сего отвѣта, который въ означенный день долженъ былъ быть отправленъ, вы съ разныхъ сторонъ начали бросать въ насъ бомбы и ядра, а посему самому и отправленіе отвѣта оставлено.

„Двадцатидневное бомбардированіе еще не разоритъ города. Мы въ полной увѣренности, что воля Всевышняго возмущаетъ и полагаемъ судьбу нашу въ Богъ.

(*) См. „Военный Сборникъ“, №№ 11 и 12-й 1864 года.

„Вы требовали сдачи Силистріи безъ пролитія крови и упомянули также о дружбѣ нашей къ руссійскому двору. Дружба сія дѣйствительно существуетъ; но обстоятельства не позволяютъ намъ согласиться на ваше требованіе.

„Вы требуете отъ вѣрнаго подданнаго того, о чемъ, конечно, сами постыдились бы подумать въ подобныхъ обстоятельствахъ, и хотя я самый слабый слуга высокой Порты, но всѣ средства употребляю, чтобы приобрести такую же славу, какъ и прочіе мои товарищи.

„Дружба наша непреложна и еще болѣе увеличится, если будетъ заключенъ миръ; но предложеніе ваше противно сей дружбѣ и достоинству нашего двора. Впрочемъ, да будетъ воля Господня.

„Я увѣренъ, что по полученіи сего письма вы сохраните меня въ своей памяти.“ (1)

Князь Багратіонъ видѣлъ однако въ этомъ отвѣтѣ, написанномъ по прошествіи двадцати дней послѣ письма Платова, заднюю мысль и полагалъ, что цѣль письма Иликъ-оглу состояла въ томъ, чтобы какимъ-нибудь образомъ, не роняя своего достоинства, завязать переписку и вступить съ нами въ переговоры. Въ этомъ убѣжденіи подкрѣпляли его и показанія выходцевъ; что самъ Иликъ-оглу, его войска и наконецъ жители готовы сдаться, но что одинъ Хозревъ-Мехметъ-паша тому противится. Всѣ эти обстоятельства, а еще болѣе желаніе не оставить ни одного средства не испытаннымъ, заставили князя Багратіона приказать Платову написать новое письмо къ Иликъ-оглу, которое и было отправлено къ нему 8-го октября.

„Главнокемандующій руссійскими войсками послать меня съ частію войскъ своихъ — писалъ Платовъ — съ тѣмъ, чтобы я взялъ Силистрію. Конечно, оборона сего мѣста не могла быть лучше поручена никому, кромѣ васъ, и я очень хорошо знаю, что долгъ всякаго храбраго воина уступать только необходимости, однакожъ ему должно также рассчитывать и способы своего непріятели. Силистрія въ тѣсномъ положеніи и черезъ взятіе Туртукая не имѣетъ надежды получить отъ великаго вѣзира вспомогательное войско, между тѣмъ какъ я удобно могу получать подкрѣвленія, нимаю не останавливая движенія арміи.

(1) Письмо отъ 5-го лун. мѣсяца 1,224 (1809) года. Арх. военно-топографическаго депо. № 50,295. Lit. С.

Вы не усомнитесь въ семь, когда узнаете, что армія находится подъ предводительствомъ князя Багратиона, который прославилъ себя вездѣ, гдѣ только ни былъ. Сіе должно побудить васъ къ сдачѣ, ибо сопротивленіе ваше будетъ бесполезно. Вы можете, безъ сомнѣнія, нѣсколько дней сохранить мѣсто; но какое же будетъ послѣдствіе? Силистрія, подвергаясь всѣмъ бѣдствіямъ осады, не можетъ уже тогда надѣяться на полученіе тѣхъ выгодныхъ условій, которыя я предоставилъ кюстенджійскому гарнизону.

„Мнѣ тѣмъ пріятнѣе дѣлать вамъ сіе предложеніе, что мнѣ извѣстны связи, которыя вы имѣли съ покойными генералами Михельсономъ и княземъ Проазоровскимъ, и мнѣ не безызвѣстно также, что вы отъ перваго получали денежныя пособія, а у втораго, письмомъ отъ 21-го числа луннаго мѣсяца 1223 года (1808), просили продолженія покровительства Государя Императора.

„Конечно, по теперешнимъ обстоятельствамъ, Порта находитъ надобность васъ ласкать; но когда нужда пройдетъ, можете ли вы избѣжать отъ гоненія вашихъ непріятелей?

„Въ такомъ положеніи я предлагаю вамъ сдать городъ Силистрію русскому оружію со всѣми военными снарядами. Гарнизонъ же, по примѣру кюстенджійскаго гарнизона, можетъ взять съ собою принадлежащее ему оружіе, обозъ и вещи и отправиться куда заблагоразсудитъ, но съ тѣмъ, чтобы не служилъ противъ Россіи въ продолженіе сей войны. Жителямъ христіанскаго исповѣданія можно будетъ, если они сего пожелаютъ, остаться въ городѣ, и все у нихъ сохранено будетъ въ цѣлости.

„Въ разсужденіи же васъ, кромѣ сохраненія всего вамъ принадлежащаго, Его Величество не замедлитъ, по заключеніи мира или прежде онаго, вознаградить услуги ваши и за удовольствіе почтеть, если вы изъ предосторожности пожелаете водвориться въ Россіи, позволить вамъ сіе сообразно вашему чину и достоинству. Вы сами свидѣтель силы и расположенія командимаго мною корпуса, а сіе самое должно убѣдить васъ, что не слабая надежда на успѣхъ заставляетъ меня дѣлать вамъ сіе предложеніе, но твердое намѣреніе принудить сіе мѣсто къ сдачѣ. Чувство человечества возбуждаетъ меня избѣгать кровопролитія. Я всю надежду имѣю на удовлетворительный съ вашей стороны отвѣтъ; въ противномъ случаѣ должно мнѣ бу-

дѣтъ прибѣгнуть къ силѣ оружія, но тогда уже вамъ нельзя будетъ надѣяться получить тѣ выгодныя условія, которыя я вамъ нынѣ предлагаю.“ (2)

Переписываясь съ комендантомъ крѣпости Силистріи, князь Багратіонъ приказалъ однакожь бомбардировать крѣпость и городъ. Онъ ожидалъ къ себѣ въ подкрѣпленіе Засса, какъ мы видѣли, задержаннаго въ Измаилѣ: сначала медленностію турокъ при исполненіи условій о сдачѣ города, а потомъ проливными дождями, испортившими дороги. Хотя бомбардированіе и производило пожары въ городѣ, но турки, возбуждаемые верховнымъ визиремъ, и не думали сдаваться. Имѣя прямое сношеніе, при помощи лодокъ, ходившихъ по Дунаю, съ визирскою арміею, они постоянно получали отъ него повелѣніе держаться и обнадеживаніе въ скорой помощи. Отвѣчая на наши выстрѣлы огнемъ изъ крѣпости, они 4-го октября произвели даже вылазку, для подкрѣпленія которой была выдвинута турецкая кавалерія изъ Туртукая и поставлена противъ нашего авангарда. Вылазка была отбита, и турецкая кавалерія возвратилась въ Туртукай. Между тѣмъ, октябрь бралъ свое: погода становилась день ото дня хуже и хуже. Волѣзани въ рядахъ нашей арміи стали увеличиваться и оказался недостатокъ въ артиллерійскихъ снарядахъ, происшедшій отъ порчи дорогъ, значительно замедлявшихъ движеніе парковъ и всякаго рода транспортовъ. Первые шесть осадныхъ орудій были привезены только 1-го октября. Ихъ привезли изъ Бузео и поставили на лѣвомъ берегу Дуная. „Вторая бомба, пущенная изъ пяти-пудовой мортиры, упала въ середину каменнаго магазина и зажгла его. Въ крѣпости примѣтна была сильная тревога отъ нашихъ бомбъ. Черезъ нѣсколько дней привезли еще нѣсколько осадныхъ орудій. Прибытіе ихъ вселило въ верховнаго визиря опасеніе объ участи Силистріи и побудило его принять рѣшительный шагъ для освобожденія крѣпости.“

Рано по утру, 9-го октября, получилъ князь Багратіонъ извѣстіе отъ Платова, стоявшаго со своимъ корпусомъ въ десяти верстахъ выше Силистріи, что отряженные отъ верховнаго визиря турецкія войска, подъ начальствомъ трехбунчужнаго Мегметъ-паши алепскаго, сераскира Пегливана-аги и Бошняка-аги, таятся съ 7-го октября изъ Рушукъ къ Татарциѣ. Въ два часа пополудни, 7-го октября, они, отгнѣсивъ наши казаки

(2) Арх. военно-топографическаго депо, № 50,295, Lit. С.

посты, заняли селеніе Татарицу и стали строить окопы. Платовъ приказалъ авангарду своему готовиться къ бою и послалъ извѣстіе къ главнокомандующему. Князь Багратионъ тотчасъ же самъ отправился туда, приказавъ слѣдовать за собою еще девяти баталіонамъ пѣхоты. Онъ нашелъ непріятеля въ весьма выгодной позиціи, на высотахъ у деревни Татарицы, лежащей въ лощинѣ у берега Дуная. Деревня была укрѣплена ретраншаментомъ и батареями, а на высотахъ турки устроили также сильную батарею.

Несмотря на превосходство силъ непріятеля и на выгодное мѣстоположеніе, которое онъ занималъ, князь Багратионъ рѣшился атаковать его рано утромъ 10-го числа. Давая сраженіе, главнокомандующій полагалъ, что разбитіе непріятеля будетъ лучшею помощью къ покоренію Силистріи. Такимъ образомъ, изъ войскъ, находившихся подъ этою крѣпостію, девять баталіоновъ пѣхоты были двинуты къ Татарицѣ; генераль-маіоръ Лисаневичъ, съ баталіономъ пѣхоты, Чугуевскимъ уланскимъ полкомъ, двумя эскадронами драгуновъ и нѣсколькими казаками, получилъ приказаніе расположиться на туртукайской дорогѣ, для обезпеченія тыла двинувшихся войскъ отъ вылазокъ силистрійскаго гарнизона. Марковъ и графъ Ланжеронъ оставлены съ прочими войсками подъ Силистріей. Изъ лагеря Платова при селеніи Калипетри, князь Багратионъ повелъ войска какъ Платова, такъ и прибывшія изъ-подъ Силистріи еще на три версты впередъ и расположился въ боевомъ порядкѣ. Въ его распоряженіи было 16 баталіоновъ пѣхоты (до 4,500 человѣкъ), 25 эскадроновъ кавалеріи и 10 казачьихъ полковъ. Число войскъ турецкихъ полагали въ 20,000 человѣкъ.

Наши войска были построены въ двѣ линіи: въ первой были шесть казачьихъ полковъ (3), во второй стала пѣхота въ шести кареяхъ. Между пѣхотными кареями помѣстилась кавалерія. (4)

(3) Полки Иловайскихъ 2-го, 11-го и 12-го, потомъ Атаманскій, Сысоева и Барабанщикова (см. рапортъ Платова отъ 15-го ноября, № 2,213).

(4) На правомъ флангѣ перваго каре Бѣлорусскій гусарскій, подъ командою полковника Ланского; между первымъ и третьимъ Сѣверскій драгунскій, подъ командою генераль-маіора Денисьева; между третьимъ и четвертымъ Стародубскій драгунскій; между четвертымъ и пятымъ Дерптскій драгунскій, съ четырьмя орудіями донской артиллеріи, подъ командою генераль-маіора графа фонъ-дѣръ-Палена; между пятымъ и шестымъ казачьи полки Кутейникова и Мельникова, а на лѣвомъ флангѣ казачьи полки Иловайскихъ 5-го и 10-го.

Войска, расположенныя такимъ образомъ, двинулись въ четыре часа утра, 10-го октября, на непріятеля. Центральное каре Бахметьева, подвигаясь по верхней дорогѣ къ непріятельскому лагерю, прикрытому кустарникомъ, занятымъ турецкою пѣхотою и конницею, было встрѣчено пушечными выстрѣлами съ батареи, устроенной впереди главнаго ретраншаментъ. Тогда, по приказанію самого князя Багратіона, Бахметьевъ выдвинулъ передъ свое каре четыре батарейныхъ орудія, съ цѣлю сбить непріятельскую батарею, и въ то же время выслалъ стрѣлковъ для выбитія янычаровъ, засѣвшихъ въ кустарникахъ. Въ подкрѣпленіе стрѣлковъ Бахметьева были посланы стрѣлки изъ каре Репинскаго и спѣшны 150 казаковъ съ ружьями. Наша цѣпь вытѣснила янычаровъ и заставила ихъ отступить. Турки, думая отрѣзать нашу батарею, выступили изъ средней батареи и ретраншаментовъ и въ значительномъ числѣ пѣхоты и кавалеріи двинулись кустарниками по дорогѣ и по лощинѣ. Въ то же время находившійся въ центрѣ Бѣлорусскій гусарскій полкъ, подъ командою флигель-адъютанта полковника Ланского, и Атаманскій полкъ, подъ командою графа Строганова, „съ удивительною храбростію и быстротою ударили на конницу непріятельскую, опрокинули оную и сбили ее съ высоты“. Пѣхота заняла непріятельскую батарею, хотя турки и успѣли вывезти изъ оной всѣ орудія, оставивъ только одинъ зарядный ящикъ. По занятіи батареи, какъ столь нужнаго для насъ пункта, Бахметьевъ поставилъ здѣсь наши батарейныя и легкія орудія и открылъ изъ нихъ дѣйствіе по ретраншаменту и турецкой кавалеріи, стоявшей на высотахъ. Взятая батарея прикрывалась Сѣверскимъ драгунскимъ полкомъ, который и оставался на этомъ мѣстѣ до самаго окончанія дѣла.

Почти въ одно время съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ центрѣ, бой закипѣлъ и на правомъ флангѣ. Генералъ-маіоръ Иловайскій 2-й, командовавшій правымъ флангомъ и слѣдовавшій нижнею дорогою, черезъ деревню Айдемеръ, къ непріятельскому лагерю, укрѣпленному въ Татарецѣ, увидѣвъ, что турки вышли въ значительномъ числѣ изъ окоповъ, выслалъ охотниковъ изъ казачьихъ полковъ и стрѣлковъ, которые, удерживая стремленіе непріятеля, прогоняли его до ретраншаментъ. Подвигаясь впередъ, каре выдвинули артиллерию, которая открыла огонь по непріятельскимъ окопамъ и заставила турокъ атаковать наши войска. По приказанію князя Багратіона, посла-

но было въ подкрѣпленіе каре Украинскаго мушкетерскаго и Московскаго гренадерскаго полковъ. Турецкая кавалерія атаковала нашъ правый флангъ, но была опрокинута и преслѣдуема до ретраншамета. Все это происходило въ то самое время, когда центръ нашихъ войскъ овладѣлъ батареею и когда полки, подъ командою графа Строганова, прогнали непріятеля также до ретраншамета. Турки сдѣлали новую попытку атаковать насъ, и въ началѣ весьма успѣшно, такъ что успѣли овладѣть батареею, занятою войсками Бахметьева, но были прогнаны штыками и преслѣдуемы нашими казаками. Правое крыло наше подвинулось теперь на одну высоту съ центромъ. На лѣвомъ нашемъ флангѣ, князь Трубецкой ограничился одною перестрѣлкою съ непріятелемъ.

Въ такомъ положеніи бой тянулся до семи часовъ утра. Обѣ стороны оставались на занятыхъ ими мѣстахъ. Въ это время турки получили подкрѣпленіе: къ нимъ пришелъ изъ Рущуга сынъ янинскаго паша съ корпусомъ албанцевъ. Появленіе его дало непріятелю значительный перевѣсъ въ силахъ. Онъ рѣшился атаковать нашъ лѣвый флангъ, по своему положенію отдѣленный отъ другихъ войскъ и тѣмъ представлявшій слабѣйшую точку нашего расположенія. Изъ двухъ турецкихъ батарей открытъ былъ огонь по войскамъ князя Трубецкаго. Вредъ, наносимый нашимъ войскамъ, заставилъ ихъ подвинуться впередъ и выдвинуть батарею донской конной артиллеріи. Дѣйствіемъ огня этой батареи сбиты были турецкія орудія, и турецкая кавалерія, занимавшая гору, покрытую лѣсомъ, должна была удалиться: она потянулась влѣво по ущелью, для подкрѣпленія находившейся въ лѣсу турецкой пѣхоты, занятой устройствомъ редута.

Въ подкрѣпленіе къ князю Трубецкому прибыли два кавалерійскіе полка, которые поступили подъ команду фонъ-деръ-Палена, такъ какъ въ распоряженіе его была отдана вся кавалерія этого отряда. Построивъ казачьи полки въ боевой порядокъ и подкрѣпивъ ихъ драгунами, графъ Паленъ атаковалъ непріятельскую кавалерію, три раза ее опрокидывалъ и даже успѣлъ вытѣснить изъ редута турецкую пѣхоту, которая оставила редуть, не успѣвъ захватить съ собою шанцовыхъ инструментовъ. Турки, собравъ всю свою кавалерію противъ отряда князя Трубецкаго, съ крикомъ и визгомъ бросились въ атаку. Ни казаки, ни драгуны и даже каре 7-го и 14-го егерскихъ полковъ не въ со-

стояніи были удержатъ непріятеля. Атакованная наша кавалерія должна была отступить на пѣхоту. Турки окружили каре и захватили два орудія. Болѣе часу наши егеря были отрѣзаны отъ прочихъ войскъ. Стрѣлки и спѣшленные драгуны успѣли отбить непріятеля и отобрать захваченныя имъ два орудія. Въ пять часовъ пополудни, по приказанію князя Багратіона, бой прекратился. Турки отступили въ свои укрѣпленія при деревнѣ Татарицѣ, потерявъ убитыми болѣе 600 человекъ, да 200 плѣнными и 16 знаменъ. Упорство непріятеля во время татарицкаго сраженія было чрезвычайно велико и доказывается тѣмъ, что самая большая часть плѣнныхъ сдавалась не иначе, какъ по полученіи нѣсколькихъ ранъ. Наступившій вечеръ не дозволилъ князю Багратіону предпринять что-либо рѣшительное, и главнокомандующій расположился на бивуакахъ на тѣхъ же самыхъ высотахъ, которыя прежде сраженія занималъ непріятель.

Въ то же самое время, когда происходило татарицкое сраженіе, турки изъ крѣпости Силистріи сдѣлали вылазку, въ числѣ до 3,000 человекъ пѣхоты и конницы. Они надѣялись пробиться сквозь наши войска и, соединившись съ войсками Мегеметь-паши аленскаго, напасть съ тылу на наши войска, бывшія подъ Татарицею. Они атаковали расположенные на высотахъ два эскадрона ольвіопольскихъ гусаровъ и С.-Петербургскій драгунскій полкъ, имѣвшихъ въ подкрѣпленіи два баталіона пѣхоты. Отрядъ этотъ, подъ командою генераль-маіора Мантейфеля, выслалъ на встрѣчу туркамъ стрѣлковъ и фланкеровъ. Сраженіе началось тогда, когда подоспѣлъ туда съ праваго фланга генераль-маіоръ Булатовъ, исправлявшій должность дежурнаго генерала. Увидя большое прѣвосходство силъ непріятеля, онъ тотчасъ послалъ за двумя орудіями и усилилъ отрядъ двумя эскадронами улановъ изъ отряда Лисаневича, оставленнаго княземъ Багратіономъ на высотахъ, для сохраненія связи между войсками, шедшими атаковать войска визиря, и корпусомъ Маркова 1-го. Булатовъ усилилъ цѣпь стрѣлковъ и фланкеровъ, а съ прибытіемъ орудій открылъ артиллерійскій огонь по наступающему непріятелю. Несмотря однако на то, турки нѣсколько разъ атаковали насъ, хотя и безуспѣшно. Булатовъ приказалъ егерямъ обойти лѣвый флангъ непріятеля, а уланамъ правый; стрѣлки же и фланкеры бросились прямо въ сады и не только выбили турокъ изъ садовыхъ рывтинъ, но и прогнали ихъ къ самому городу.

„Какъ Левъ — говоритъ Михайловскій-Давилевскій — былъ князь Багратионъ раздраженъ безуспѣшностью нападенія на Татарицу. Не видя средствъ выбить турокъ изъ оконовъ, не хотѣлъ онъ однакожь отступать.“ Весь день 11-го октября онъ оставался въ виду непріятеля, не давая, какъ на пушечный выстрѣлъ, и занимался обзорніемъ его позиціи. Главнокомандующій нашель, что турки заняли позицію совершенно неприступную. Дѣйствительно, деревня Татарица, расположенная въ долинѣ, была укрѣплена весьма хорошо ретраншаментомъ и множествомъ батарей, такъ что овладѣть ею можно было только штурмомъ, рѣшиться на который было трудно, потому что самое селеніе не представляло никакой особенной выгоды въ стратегическомъ отношеніи и не могло быть полезно намъ въ будущемъ. Штурмъ причинилъ бы намъ большую потерю въ людяхъ въ такое время, когда князь Багратионъ въ нихъ особенно нуждался. Его силы были чрезвычайно ограничены: по его донесеніямъ, въ сраженіи 10-го октября хотя у него и состояло въ распоряженіи 16 баталіоновъ пѣхоты, но дѣйствительное число бывшихъ подъ ружьемъ не превышало 4,500 человекъ. Подъ Силистріей было оставлено также 16 баталіоновъ; но отдѣлить отъ нихъ и присоединить къ себѣ князь Багратионъ не находилъ возможнымъ ни одного человека.

Итакъ, князю Багратиону, не имѣвшему возможности атаковать турокъ въ занятой ими позиціи, у деревни Татарицы, оставалось одно средство къ пораженію — вызвать ихъ на открытый бой. Для достиженія этой цѣли онъ отступилъ до того мѣста, гдѣ находился его лагерь наканунѣ сраженія, т. е. въ трехъ верстахъ позади; но непріятель не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, а занимался еще большимъ укрѣпленіемъ своей позиціи: строилъ новые батареи и окопы. Въ то же время турки получили сильныя подкрѣпленія. Муттаръ-паша, сынъ Али-паши янинскаго, со своими войсками, отряды изъ Базарджика, Шумлы, Руцука, Видина и Сербіи слѣшили на помощь татаричскому отряду. Самъ верховный визирь Юсуфъ, со всеми остальными силами, приближался къ турецкому лагерю и, расположившись сначала въ селеніи Капакли, въ 15 верстахъ отъ Татарицы, 15-го октября вступилъ въ эту деревню. „Такимъ образомъ — доносилъ главнокомандующій — силы его вчетверо или впятеро превосходятъ число всѣхъ войскъ, которыя я около Силистріи въ распоряженіи моемъ имѣю.“

Гарнизонъ Сигистринъ не думалъ о сдачѣ. Несмотря на ежедневную канонаду и бомбардированіе, причинявшаго городу чрезвычайно много вреда, о взятіи крепости нечего было и думать. Ожидая себѣ всегда помощи отъ верховнаго визиря, турки не входили ни въ какого рода переговоры. Выжечь городъ не было возможности, потому что большая часть его строеній были плетневые, вымазанныя глиною и съ черепичными крышами. Штурмовать же городъ князь Багратіонъ не рѣшался, за слабостію силъ, бывшихъ въ его распоряженіи.

Между тѣмъ, настало холодное осеннее время. Утренняя морозы истребляли и послѣдній остатокъ подножнаго корма, за недостаткомъ котораго необходимо былъ подвозъ; но всѣ транспорты приходили медленно и несвоевременно, а кавалерійскія и артиллерійскія лошади терпѣли нужду въ фуражѣ. Еще въ татарическомъ сраженіи замѣтно было ослабленіе лошадей подъ артиллерією и въ кавалерійскихъ полкахъ, отчего кавалерія наша не могла дѣйствовать съ успѣхомъ противъ турецкой⁽⁵⁾. Подвозы начали останавливаться на дорогѣ. Интендантъ доносилъ, что онъ не находитъ никакихъ средствъ къ продовольствію провіантомъ и фуражемъ, и потому совершенно отказывался отъ распоряженій по продовольствію. Эти причины заставили князя Багратіона просить о дозволеніи вернуться изъ-за Дуная.

„Возложенное на меня довѣренностію Вашего Величества званіе — писалъ онъ⁽⁶⁾ — въ то же время возлагаетъ на меня и священнѣйшую обязанность обращать полное и дѣятельное вниманіе на всѣ обстоятельства, дабы съ одной стороны, стараясь поражать непріятеля, принудить его просить о мирѣ, съ другой же — съ самою строгою осторожностію пещись о сохраненіи арміи и о сбереженіи войскъ.“

Ссылаясь на свое донесеніе отъ 30-го сентября, онъ высказывалъ и теперь невозможность продолжать кампанію далѣе ноября мѣсяца, при томъ положеніи, въ которомъ онъ находился. Верховный визирь, при многочисленности войскъ, собранныхъ въ послѣднее время, легко могъ обойти князя Багратіона и пресѣчь ему всякое сообщеніе съ Гирсовомъ, главнымъ мѣстомъ, откуда доставлялось продовольствіе всей нашей

⁽⁵⁾ Отношеніе кн. Багратіона къ Аракчееву отъ 22-го ноября, за № 169.

⁽⁶⁾ Отъ 14-го октября 1809 г. Арх. военно-топографическаго депю. № 50,295. Lit. С. № 99.

арміи. Гористыя мѣста той стороны, покрытыя множествомъ долинъ, были ему гораздо лучше извѣстны, чѣмъ князю Багратіону, не имѣвшему въ своемъ распоряженіи ни одной порядочной карты мѣстности (?). Причины эти были такъ уважительны, что князь Багратіонъ рѣшился прямо высказать свое сомнѣніе на дальнѣйшіе успѣхи нашего оружія. „По настоящимъ обстоятельствамъ — сказано въ донесеніи — долженъ и принять въ уваженіе: 1) что нѣтъ никакой надежды къ достиженію мира въ теченіе нынѣшней кампаніи, поелику она начата очень поздно, т. е. съ половины августа, и поелику самая природа совершенно возбраняетъ здѣсь зимнюю кампанію. Вообще же нельзя имѣть надежды къ миру до тѣхъ, доколѣ еще крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная будутъ въ рукахъ непріятельскихъ. Самый законъ вѣры и коренныя постановленія государственныя возбраняютъ всякому визирю дѣлать хотя малѣйшую уступку изъ владѣній Порты Оттоманской, если уступаемая часть не докорена непріятельскимъ оружіемъ. Никакія побѣды и завоеванія въ другихъ мѣстахъ не могутъ отиѣднать сего непоколебимаго правила. 2) Самыя тѣ крѣпости принудили меня оставить тамъ немалыя части арміи для огражденія завоеванныхъ уже земель отъ разоренія непріятельскаго. 3) Таковое отдѣленіе войска не позволило мнѣ со времени подступленія моего къ Сидистріи дѣйствовать съ большимъ напряженіемъ противъ непріятели, ибо и силы и способы мои были слишкомъ ограничены. 4) При всемъ томъ однакожь подступленіе мое къ Сидистріи не только освободило большую Валахію отъ нападенія непріятельскаго, но теперъ обезопасило даже малую Валахію и чувствительно облегчило сербовъ. 5) Когда бы я и рѣшился выжидать удобнаго случая къ нападенію на верховнаго визиря, то кромѣ, конечно, славы, отъ разбитія его, никакой существенной пользы оттого произойти не можетъ, поелику оно его къ миру не принудитъ, а зимы на сей сторонѣ Дуная я провести не могу, но долженъ необходимо переправиться на лѣвый его берегъ. Продолженіе же осады Сидистріи съ одной стороны было бы безуспѣшно, а съ другой — невозможно, представляя верховному визирю всѣ способы атаковать меня со всѣхъ сторонъ, отрѣзать меня отъ прочихъ войскъ и пресѣчь доставленіе ко мнѣ транспортвъ.“

(?) Замѣчательно, что въ то время карта мѣстности или крѣпости составлялась только тогда, когда мѣстность была уже пройдена или крѣпость взята.

Сверхъ всѣхъ этихъ причинъ, приведенныхъ княземъ Багратиономъ, можно указать и на наступленіе зимняго времени. Недостатокъ фуража и провіанта, чувствуемый уже войсками въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ глубокую зиму могъ оказаться еще чувствительнѣйшимъ; тогда какъ, напротивъ, верховный князь, имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ многочисленные города и селенія въ тылу и на своемъ правомъ флангѣ, могъ пользоваться обильнымъ продовольствіемъ и тѣмъ самымъ, конечно, приобрѣталъ значительный перевѣсъ надъ княземъ Багратиономъ. На этомъ основаніи, пока обстоятельства еще благоприятствовали, главнокомандующій полагалъ необходимымъ, сколько для сохраненія арміи, столько же и для сохраненія славы, приобретенной нашимъ оружіемъ, приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Мѣры же состояли, по его мнѣнію, въ отступленіи отъ Силистріи, съ тѣмъ, чтобы, маневрировавъ около крѣпости въ теченіе двухъ недѣль, маневрами же отступить къ Гирсову, гдѣ былъ устроенъ мостъ, черезъ который доставлялось къ намъ продовольствіе, и держаться у Траянова вала до тѣхъ только поръ, пока обстоятельства и время то позволяютъ, и уже тогда переправиться на лѣвую сторону Дуная и заняться крѣпостями Браиловомъ, Журжею и дѣлами сербовъ.

„Питаю я себя лестною надеждою — доноситъ князь Багратионъ — что Ваше Величество въ сей предприемлемой мною рѣшительной мѣрѣ не соизволите обрѣсти другой побудительной причины, кромѣ неограниченнаго усердія моего къ существенной пользѣ отечества. Безъ того, если бы, по неусмотрѣнію моему въ семь случаевъ, послѣдовалъ какой-либо чувствительный ущербъ арміи, я никакъ не могъ бы дать въ томъ отвѣта ни передъ Богомъ, ни передъ августѣйшимъ престоломъ Вашего Величества.“

Отправивъ, 14-го октября, съ княземъ Грубецкимъ, свое донесеніе, въ которомъ изложилъ причины, побудившія его къ отступленію, князь Багратионъ, 15-го октября, отступилъ отъ Силистріи. Еще 14-го числа было приказано войскамъ готовиться къ отступленію; начали свозить орудія съ батарей и отправили въ Бузео, находившуюся на лѣвомъ берегу Дуная, осадную артиллерію; больныхъ и часть обоза переправили на флотилію на лѣвую сторону Дуная. На слѣдующій день армія, сдѣлавъ 30 верстъ, расположилась лагеремъ при деревнѣ Сатунау.

Здѣсь князь Багратионъ пробылъ полторы сутки, въ ожиданіи, не сбѣлаетъ ли непріятель какого-либо движенія, вслѣдъ за отступающими нашими войсками, съ тѣмъ, чтобы воспользо-ваться этимъ движеніемъ и дать ему сраженіе. Однако турки не преслѣдовали, и онъ 17-го октября отступилъ къ Рассевату и въ томъ же самомъ ожиданіи пробылъ тамъ два дня, 18-го и 19-го чиселъ. Наконецъ, 20-го числа, Багратионъ пришелъ съ главною квартирою къ селенію Черноводамъ, составлявшему правый флангъ Траянова вала у берега Дуная. Во все это время со стороны непріятели никакихъ движеній замѣчено не было; посылались только разъѣзды для наблюденія за движеніями нашихъ войскъ.

У Траянова вала князь Багратионъ расположилъ войска слѣдующимъ образомъ. Авангардъ арміи, подъ командою Платова, расположенный при мѣстечкѣ Рассеватѣ, посылалъ свои разъѣзды по дорогѣ къ Силистріи и черезъ Кузгунъ къ селенію Кирсандель, лежащему на половинѣ дороги отъ Силистріи къ Базарджику. Обязанностію авангарда было наблюдать за всѣми движеніями непріятели какъ внутри земли, такъ и по Дунаю. Главный корпусъ, подъ командою графа Ланжерона, составлявшій правый флангъ арміи, занялъ позицію между Траяновымъ валомъ и Черными водами, примыкая къ Дунаю. Корпусъ Засса, какъ центральный, занялъ позицію у Траянова вала, на протокѣ, называемомъ Черныя воды, противъ селенія Карасу, и посылалъ разъѣзды до селенія Бехтырь-Кіой, а оттуда по дорогѣ къ Базарджику и Мангаліи. Отрядъ графа Каменскаго, составлявшій лѣвый флангъ арміи, занялъ позицію при городѣ Кюстенджи, у берега Чернаго моря, и посылалъ свои разъѣзды до Мангаліи, а оттуда по дорогѣ къ Коварнѣ и Вазарджику.

Въ такомъ расположеніи князь Багратионъ думалъ остаться до тѣхъ поръ, пока время и обстоятельства ему то позволяютъ. Продовольствіе арміи доставлялось черезъ гирсовскій мостъ, который былъ совершенно оконченъ и построенъ весьма прочно. Для обезпеченія его отъ всякихъ непріятельскихъ покушеній, главнокомандующій расположилъ часть галацкой флотиліи выше моста, поставилъ по берегу батареи и устроилъ на обоихъ копчахъ моста тетъ-де-поны, для занятія которыхъ назначенъ Одесскій мушкетерскій полкъ.

Между тѣмъ, стали доходить извѣстія, что подъ Журжей

показался опять неприятельскій лагерь и что кавалерія турецкая дѣлаетъ разѣзды до Фрасинскаго моста, что близъ Дай. Князь Багратіонъ, искавшій столкновенія съ противникомъ, приказалъ Милорадовичу, пользуясь движеніемъ турокъ, заманить и разбить ихъ. На усиленіе корпуса Милорадовича отряжены были полки Кинбургскій драгунскій, Малороссійскій гренадерскій и Апшеронскій мушкетерскій, съ полуротою батарейной артиллеріи майора Веселигскаго.

Желая какимъ бы то ни было образомъ вовлечь турокъ въ бой, князь Багратіонъ приказалъ Эссену 3-му начать осаду Браиловской крѣпости и приготовить все для того нужное. Флота капитанъ 2-го ранга Попандоуло былъ отправленъ къ Брайлову со своею флотиліею. На подкрѣпленіе Эссена пошли осадная артиллерія, возвращавшаяся изъ-подъ Силистріи, и четыре баталіона пѣхоты. Дѣлая эти распоряженія, главнокомандующій не оставлялъ однако мысли о своемъ возвращеніи за Дунай.

„Хотя—писалъ онъ (8)—доселѣ армія, въ нынѣшнемъ ея расположеніи, не претерпѣваетъ еще никакого недостатка въ продовольствіи, но настигшая совершенно осенняя погода и сильные дожди, особливо въ Молдавіи и Валахіи, до такой степени испортили дороги, что я опасаясь, что транспорты съ провіантомъ и фуражемъ по необходимости будутъ отставать. Тогда и противъ желанія моего принужденъ я буду перенестись съ арміею на лѣвую сторону Дуная.“

Ко всѣмъ причинамъ, побуждавшимъ князя Багратіона возвратиться за Дунай, онъ приводилъ еще ту, что войска совершенно износились и что потому необходимо приступить къ построенію новой одежды и аммуниціи, „дабы они были въ состояніи, съ наступленіемъ ранней кампаніи, съ меньшимъ ущербомъ въ людяхъ переносить ненастья, въ то время всегда бывающія“.

„Всепокорнѣйше прошу быть увѣреннымъ—писалъ въ то же время главнокомандующій графу Аракчееву (9)—что я ничего не испорчу и не пророню, гдѣ только есть польза и слава великаго нашего Монарха. Если бы я не отошелъ отъ Сили-

(8) Донесеніе отъ 22-го октября 1809 г. № 1,103. Арх. военно-топографическаго депо.

(9) Собственноручно, отъ 23-го октября 1809 г. Арх. военно-топографическаго депо № 50,295, Lit. С.

стрия, я бы пострадалъ весьма отъ безжормицы, а притомъ сильный непріятель гвсами обошелъ бы меня со всѣхъ сторонъ. Вотъ причина, почему я перемѣнилъ позицію. Сіе весьма нужно въ военныхъ операціяхъ; а притомъ, когда взять и то въ уваженіе, что я началъ за Дунаемъ операцію въ половинѣ августа и все-таки сдѣлалъ много. Государство турецкое, вамъ самимъ извѣстно, не безлюдное и въ 24 часа завоевать его невозможно, тогда когда обѣ Валахія и Сербія были завоеваны непріателемъ. Онѣя освобождены. Притомъ же необычайная рѣка Дунай, который непостояненъ. Зимнюю кампанію невозможно здѣсь имѣть, ибо степь голая, горы или непроходимыя ущелья; отъ ненастья и бури я рискую все потерять; много болѣютъ. Многіе полки должны съ января мѣсяца обмундироваться, ибо они жалки: такъ на нихъ мундиръ и шинели ветхи. То же самое и продовольствіе: подвозъ парковъ, снаряды и проч. дѣлаютъ мнѣ не малую заботу. Вѣрьте Богу, ваше сіятельство, что я не имѣю секунды для себя покою. Сверхъ сего овса одного надо въ мѣсяць до 25,000 четвертей, а потомъ и хлѣба. Сей подвозъ на волахъ, и въ такое время, когда часъ отъ часу ущербъ большой и падежи въ волахъ. Вотъ главная моя причина, которая заслуживаетъ вниманія и уваженія. Я увѣренъ, мой милостивецъ, что Государь милостиво приметъ мое намѣреніе и пользу. Мостъ у меня хорошъ. Я здѣсь простою сколько смогу, а потомъ обращаюсь серьезно на Браиловъ. И для Журжи у меня времени немного, а, между тѣмъ, нечувствительнымъ образомъ буду сводить дивизіи, какъ уже и начинаю понемногу. Хотя мостъ у меня и славный, но едва-ли можно въ недѣлю переправить всѣ полки и обозы.

„Главное неудобство для меня то, что покойный фельдмаршалъ весьма въ обширныхъ дистанціяхъ распредѣлил магазины, и посему видно, что никогда не полагалъ имѣть зимою, даже противъ Журжи, ничего; а теперь обстоятельства мои требуютъ знатную часть войска подвинуть къ большой и малой Валахія. Но тамъ мало хлѣба и овса; для того и потребовалъ я лично къ себѣ г. Чевкина, а, между тѣмъ, далъ знать обоимъ диванамъ, чтобы изготовили подводы. Итакъ, вѣрьте Богу, что не теряю ни минуты, а чего невозможно, того мудрено и требовать. Впрочемъ, слава Богу, такъ все хорошо, какъ невозможно лучше; покрайней мѣрѣ я такъ вижу.“

Верховный визирь, со своими войсками, находился тогда еще въ окрестностях Силистріи и никакихъ движеній противъ князя Багратіона не предпринималъ. Носились слухи, будто онъ намѣренъ былъ сдѣлать набѣгъ на малую Валахію и всѣми силами старается доставить продовольствіе въ Браиловъ. Слухи эти подтверждались перехваченными письмами: Князь Багратіонъ усилилъ отрядъ Милорадовича на тотъ случай, если бы дѣйствительно изъ Журжи было сдѣлано какое-нибудь непріятельское нападеніе. Къ гирсовскому мосту отряженъ еще одинъ баталіонъ пѣхоты и усилена флотилія 6-ю судами. Флотилія расположилась по всѣмъ рукавамъ и гирламъ и такимъ образомъ препятствовала туркамъ пробраться къ Браилову. Погода стояла, по прежнему, чрезвычайно холодная. Довольно сильные утренніе морозы истребили окончательно подножный кормъ, и транспорты съ провіантомъ и фуражемъ стали приходять не вовремя, хотя все-таки, „за исключеніемъ фуража, недостатка въ продовольствіи не было“. (10)

Ноября 5-го, въ лагерѣ при селеніи Черноводахъ, получилъ князь Багратіонъ рескриптъ императора Александра, требовавшіе рѣшительныхъ дѣйствій на правой сторонѣ Дуная въ продолженіе настоящей осени, дабы тѣмъ достигнуть скорѣйшаго окончанія войны и счастливаго, прочнаго мира.

„Получивъ донесеніе ваше—писалъ императоръ Александръ, —отъ 30-го сентября, содержащее въ себѣ главныя усмотрѣнія ваши къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ ввѣренной вамъ арміи на лѣвомъ берегу Дуная и предположеніе о возвратѣ на правый берегъ, по содержанию онаго нужнымъ считаю дать вамъ слѣдующія разрѣшенія:

„Изъ рескриптовъ, въ разныя времена на имя покойнаго фельд-маршала князя Прозоровскаго данныхъ, безъ сомнѣнія, вы видѣли, что въ настоящей войнѣ съ турками должно имѣть въ виду двѣ главныя цѣли: первую всѣмъ войнамъ общую—чтобъ окончить ее счастливымъ миромъ на извѣстныхъ основаніяхъ; вторую цѣль, сей войнѣ особенную—чтобы окончить ее сколь можно скорѣе. Обстоятельства, въ коихъ до перехода войскъ нашихъ за Дунай, были дѣла европейскія, заставляли особенно желать и непрерывно настоять, чтобы переходъ сей совершился и сильнымъ дѣйствіемъ нашихъ войскъ ускорены были, по всей возможности, надежды къ миру.

(10) Донесеніе отъ 10-го ноября 1809 г. № 1,148.

„Съ того времени хотя въ дѣлахъ политическихъ и произошли важныя перемѣны, но причины къ скорѣйшему окончанію сей войны не только не перемѣнились, но еще и усугубились. Миръ Франціи съ Австріею, на сихъ дняхъ совершившійся, представляетъ новое побужденіе спѣшить развязкою нашихъ дѣлъ, дабы та или другая держава не вмѣшались въ нихъ и не затруднили ихъ окончанія—обстоятельство столь для насъ уважительное, что весь плодъ безчисленныхъ трудовъ и всѣ выгоды настоящаго нашего на Дунаѣ положенія могутъ потерпѣть весьма важную перемѣну, если оно совершится.

„Изъ сего заключить вы можете, сколь настоятельны причины желать и всемѣрно домогаться скорѣйшаго окончанія сей войны.

„Между тѣмъ, вамъ извѣстно, и всѣ примѣры воинскихъ съ турками происшествій доказываютъ, что никогда ни въ какомъ предположеніи нельзя съ турками окончить войны и привести ихъ къ рѣшительному миру, какъ разбитіемъ ихъ войскъ, не частыми сраженіями и взятіемъ крѣпостей, но единственно генеральною баталіею.

„Множество уваженій заставляютъ сильно желать, чтобы сія рѣшительная мѣра не была отлагаема до весны. Здѣсь можно привести одни изъ нихъ главнѣйшія:

„*Первое*—весною разлитіе дунайскихъ водъ можетъ положить дѣйствіямъ нашимъ на правомъ берегу непреоборимыя препятствія: опытъ прошедшаго лѣта доказалъ сіе съ очевидностію.

„*Второе*—весною дѣйствія войскъ нашихъ могутъ быть преграждаемы высадками какъ турецкихъ войскъ, такъ и англійскихъ, чего въ настоящее время вовсе, напротивъ, предполагать не можно.

„*Третье*, наконецъ—весною получить еще болѣе вѣроятности и то правильное опасеніе, чтобы другія державы, нынѣ отъ войны освободившіяся, успѣвъ собраться съ силами, не вмѣшались въ дѣла наши.

„Изъ сего открывается все пространство побужденій дѣйствовать рѣшительно въ теченіе настоящей осени. Время сіе всегда признаваемо было самымъ удобнѣйшимъ, и покойный фельдмаршалъ на всѣ подтверженія доносилъ, что осенью единственно и по климату и по привычкамъ турецкихъ войскъ можно ожидать рѣшительныхъ въ сей войнѣ успѣховъ.

„По всѣмъ симъ уваженіямъ намѣреніе ваше къ обратному переходу за Дунай въ томъ единственно видѣ могу Я себя представить, что совершится оно не прежде, какъ по овладѣніи уже Силистріи и по разбитіи визиря.

„Въ семь состоятъ главныя усмотрѣнія, кои въ разрѣшеніе ваше счелъ Я нужнымъ вамъ доставить. Сіуда ихъ состоитъ въ томъ, что одна совершенная и очевидная невозможность держаться на правой сторонѣ Дуная и нынѣшнею осенью рѣшительно достигнуть предположенной цѣли можетъ васъ принудить возвратиться назадъ и отложить дальнѣйшія операціи до ранней весны, и какъ невозможность сію вы одни на мѣстѣ можете измѣрить и сообразить во всемъ ея пространствѣ, то и оставляю Я обстоятельство сіе на ваше благоразуміе, бывъ удостовѣренъ, что въ резности вашей къ славѣ ввѣренныхъ вамъ войскъ не иначе приступите вы на сію мѣру, какъ въ точномъ усмотрѣніи самой крайней къ тому необходимости.“ (11)

Императоръ требовалъ овладѣнія Силистріей и разбитія верховнаго визиря тогда, когда главнокомандующій давно отступилъ отъ Силистріи и находилъ невозможнымъ разбитіе турецкихъ войскъ. Князь Багратіонъ говорилъ, что способы, бывшіе въ его распоряженіи, и обстоятельства не позволяли ему исполнить желанія императора Александра. Онъ приводилъ въ оправданіе свое слабость силъ, которыми располагалъ, и невозможность атаковать ими верховнаго визиря въ укрѣпленной его позиціи.

„По мѣрѣ моего разумѣнія—доносилъ онъ—долженъ я непременно заключать, что когда бы я рѣшился, невзирая на ограниченность силъ моихъ, атаковать армію верховнаго визиря, то я весьма вѣроподобно претерпѣлъ бы сильное поражение и принужденъ бы былъ съ поспѣшностію и большою потерею снять блокаду крѣпости Силистріи, а когда бы остался подъ крѣпостію еще долѣе, то хотя бы и не былъ я атакованъ войсками турецкими, лишился бы я, по недостатку подножнаго корма, всѣхъ кавалерійскихъ, артиллерійскихъ и подъемныхъ лошадей. Въ первомъ случаѣ исчезла бы, такъ сказать, вовсе армія молдавская, а во второмъ претерпѣла бы она потерю, которой въ одну зиму вознаградить невозможно, и сдѣлалась бы неспособною къ дѣйствию съ наступленіемъ ранней весны. Итакъ,

(11) Высочайшій рескриптъ отъ 26-го октября 1809 года. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

предвидя сіи пагубныя послѣдствія, я старался избрать изъ двухъ золъ меньшее и рѣшился отступить съ сохраненіемъ славы, доселѣ оружіемъ приобрѣтенной, и со сбереженіемъ войскъ на будущія дѣйствія.“

Европейскіи дѣла и происшествія, извѣстія о которыхъ доходили до князя Багратиона, заставляли его опасаться, чтобы, по заключеніи мира между Франціею и Австріею, державы эти не оказали большаго сопротивленія къ скорому достиженію мира съ Портою Оттоманскою. Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, справедливы ли были опасенія князя Багратиона, а теперь постараемся разъяснить положеніе, въ которомъ онъ находился.

Начавъ кампанію тогда, когда перемиріе между Франціею и Австріею было заключено и когда мирные переговоры были въ полномъ ходу, князь Багратионъ старался дѣйствовать по возможности быстро и безостановочно. Быстротою и неожиданностію дѣйствій въ различныхъ пунктахъ онъ думалъ скрыть отъ непріятеля ограниченность своихъ силъ. Успѣвъ утратить турокъ и введя ихъ въ заблужденіе относительно своихъ средствъ, Багратионъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждался въ невозможности, въ продолженіе нынѣшней кампаніи, принудить верховнаго визиря къ заключенію мира.

Турки рѣшаются приступить къ мирнымъ переговорамъ только послѣ потери генеральнаго сраженія, когда бѣгущія до самой столицы, разбитыя войска распространяютъ повсюду страхъ, трепеть и ужасъ между жителями и на самое правительство, прибѣгающее въ такихъ случаяхъ къ мирнымъ переговорамъ. Диванъ находилъ тогда оправданіе передъ народомъ. Верховный визирь боялся вступить въ открытій бой; держась въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, онъ думалъ частыми набѣгами въ различныхъ пунктахъ беспокоить наши войска. Наученный Наполеономъ, онъ рѣшился вести войну оборонительную, партизанскую.

Послѣ сраженія при Татарицѣ 10-го октября, турки тотчасъ отступили въ укрѣпленія. Князь Багратионъ болѣе сутокъ оставался въ виду ихъ, на разстояніи не болѣе какъ на пушечный выстрѣлъ, а потомъ хотя и отступилъ еще двѣ версты, но опять простоялъ три дня, въ ожиданіи, не атакуютъ ли его турецкія войска. Турки однако не вышли изъ своихъ укрѣпленій и ничего не предпринимали даже и тогда, когда князь Багратионъ, отступивъ отъ Сидистри, своими частыми остановками

вызывалъ ихъ на бой. Принятая непріателемъ система дѣйствій необходимо заставляла нашего главнокомандующаго раздѣлять войска по всему обширному пространству театра военныхъ дѣйствій, тѣмъ болѣе, что турецкія крѣпости, лежавшія по Дунаю, давали полную возможность туркамъ дѣлать частыя набѣги, разорять землю и обывателей и истреблять наши магазины. Раздробленіе же войскъ на мелкіе отряды не могло быть полезно. Всякое раздробленіе влечетъ за собою ослабленіе силъ.

Еще князь Прозоровскій, составляя планъ военныхъ дѣйствій, предполагалъ начать кампанію весною 1808 года переходомъ за Дунай; когда же переходъ этотъ не состоялся, тогда онъ думалъ приступить къ военнымъ дѣйствіямъ осенью того же года, но только на лѣвомъ берегу Дуная, отлагая переправу арміи до весны, съ тѣмъ, чтобы въ началѣ апрѣля перейти за Дунай. Предположенія его однако не исполнились. До начала мая занимался онъ крѣпостями на лѣвомъ берегу Дуная, а съ этого времени разлитіе водъ препятствовало привести въ исполненіе его намѣреніе до самаго августа.

„Вообще всѣ заключенія—доносилъ князь Багратіонъ—о выгодности осенней кампаніи противъ турокъ основаны на томъ, что войска турецкія привыкли осенью возвращаться въ свои дома. Первое число октября считается обыкновенно срокомъ, въ который войска азіатскія и янычары предпринимаютъ путь во-свояси; но нынѣ, по фирманамъ султана, а можетъ быть и по другимъ мнѣ неизвѣстнымъ причинамъ, войска верховнаго ви-зиря остаются доселѣ въ прежней своей силѣ, и хотя часть изъ нихъ уходитъ, но на мѣсто ихъ приходятъ другія. А потому и въ семъ случаѣ нельзя съ полною достовѣрностію полагаться на прежніе примѣры.“⁽¹²⁾

Но всѣмъ неудобствамъ положенія князя Багратіона за Дунаемъ присоединялось дурное расположеніе магазиновъ. На всю армію былъ одинъ магазинъ—въ Галацахъ. Доставленіе оттуда продовольствія до Базарджика и Силистріи, на фурахъ подвижнаго магазина, черезъ голыя степи, по мѣстамъ гористымъ, было положительно невозможно. Безъ чувствительнаго недостатка въ продовольствіи было трудно обойтись. Пункты, назначенные для магазиновъ въ Молдавіи и Валахіи, могли удовлетворять мирному расположенію войскъ, а при частыхъ во-

(12) Донесеніе отъ 10-го ноября, № 1,148. Арх. военно-топографическаго депо.

енныхъ передвиженіяхъ представляли затрудненія въ доставкѣ продовольствія. По расположенію, на примѣръ, и числу магазиновъ въ Валахіи не было возможности расположить тамъ даже три дивизіи безъ того, чтобы не доставлять для нихъ продовольствія изъ Молдавіи.

Къ самой переправѣ не было сдѣлано никакихъ приготовленій; не было построено княземъ Прозоровскимъ ни одного моста. Теперь князь Багратионъ имѣлъ ихъ два, которые могли служить ему и будущей весною при переправѣ войскъ. „Другое большое затрудненіе въ нынѣшнемъ году состояло въ томъ, что крѣпости Измаилъ и Браиловъ были въ рукахъ непріятельскихъ; одна изъ нихъ теперь въ рукахъ нашихъ, а противъ другой употреблю я всѣ усилія, дабы ея овладѣть. Сіе весьма много воспособствуетъ будущему безпрепятственному переходу черезъ рѣку.“

Таково было положеніе князя Багратиона, когда онъ думалъ перейти на лѣвый берегъ Дуная.

XVI.

Рескриптъ императора Александра князю Багратиону. — Политическое положеніе Европы заставляетъ желать рѣшительныхъ дѣйствій и склоненія турокъ къ миру. — Назначеніе князя Багратиона полномочнымъ для заключенія мира и предположеніе о назначеніи ему помощниковъ. — Желаніе Франціи быть посредницею въ мирныхъ переговорахъ. — Возможно ли было вмѣшательство въ наши дѣла Франціи и Австріи? — Двучленная политика Наполеона. — Состояніе Турціи.

Мы видѣли, что князь Багратионъ предполагалъ въ ноябрѣ вернуться на лѣвый берегъ Дуная. Мы изложили тѣ причины, по которымъ главнокомандующій признавалъ такое возвращеніе необходимымъ. Императоръ Александръ не одобрилъ предположеній главнокомандующаго и находилъ ихъ не соотвѣтствующими своимъ видамъ и намѣреніямъ.

„Получивъ послѣднее донесеніе ваше — сказано въ рескриптѣ, посланномъ съ княземъ Трубецкимъ ⁽¹³⁾ — о знаменитой побѣдѣ, одержанной вами надъ турецкими войсками подъ предводительствомъ Пегливана, поспѣшаю изъяснить вновь свою справедливость, благоразумнымъ вашимъ усмотрѣніямъ и неутомимой дѣятельности вашей принадлежащую. Мужество и храбрость войскъ, вами предводительствуемыхъ, пріобрѣли въ семъ дѣлѣ новую славу и дали новую надежду къ дальнѣйшимъ успѣхамъ.

(13) Арх. военно-топографическаго депо, № 47,350.

Но сколько происшествіе сіе само по себѣ радостно, столько прискорбно Мнѣ было вмѣстѣ съ тѣмъ получить извѣстіе о нашествіи вашемъ возвратиться за Дунай.

„Изъ предъидущаго рескрипта видѣли вы уже причины, по коимъ мѣру сію считаю Я пользамъ нашимъ совершенно противною. Нынѣ въ подтвержденіе оныхъ признаю нужнымъ означить вамъ слѣдующія уваженія:

„Какое впечатлѣніе долженъ произвести обратный переходъ вашъ надъ тѣми самыми турецкими силами, кои съ самаго начала командованія вашего въ разныхъ дѣлахъ доселѣ были побѣждаемы? Сей спасительный страхъ, который могъ со всѣмъ основаніемъ удостовѣрить намъ дальнѣйшія надъ ними побѣды, исчезнетъ, какъ скоро силы наши назадъ отступятъ. По свойству сего народа, къ кичливости всегда склоннаго, возмечтаютъ они, что превосходствомъ силъ своихъ принудили они насъ къ есму отступленію. Трудно будетъ дать имъ почувствовать причины продовольствія, Чевкинымъ приводимыя (14). Съ основаніемъ могутъ они не вѣрить, что причины сіи были достаточны, когда въ большемъ количествѣ и на той же сторонѣ они могли обезпечить свое содержаніе.

„Такимъ образомъ, весь плодъ предъидущихъ побѣдъ, всѣ послѣдствія сдѣланныхъ на сей сторонѣ усилій Я считаю совершенно потерянными, какъ скоро переходъ сей совершится. Надобно будетъ снова начать войну, и начинать ее не раннею весною, но въ іюлѣ мѣсяцѣ, ибо и на будущій годъ, отъ разлитія водъ дунайскихъ, тѣ же самыя встрѣчаются препятствія, какъ и въ предъидущемъ, и, слѣдовательно, война сія, переходя отъ одного года къ другому, къ крайнему ущербу пользы нашихъ, будетъ длиться, тогда какъ самая существенная цѣль ея есть скорое окончаніе.

„Отъ сихъ важныхъ потерь переступая къ тому впечатлѣнію, какое переходъ сей необходимо произведетъ въ дѣлахъ нашихъ европейскихъ, Я не могу вамъ довольно изобразить, ни измѣрить всего пространства вредныхъ его послѣдствій. Настоящее положеніе наше на Дунаѣ даетъ политическимъ нашимъ связямъ все уваженіе, какое свойственно имѣтъ Россіи. Но уваженіе сіе сильно поколеблется, какъ скоро положеніе наше перемѣнится, а оно въ глазахъ всѣхъ, безъ сомнѣнія, та-

(14) Чевкинъ завѣдывалъ продовольствіемъ молдавской арміи и исполнялъ должность въ родѣ нынѣшнихъ интендантовъ.

ковѣмъ будетъ признано, когда принуждены мы будемъ назадъ возвратиться. Если притомъ французскія дѣла успѣютъ кончиться въ Гиппаніи, какъ то со всею вѣроятностію предполагать можно, а мы останемся въ войнѣ всегда начинаемой и никогда не окончаемой, то вы сами себѣ легко представить можете, какое бѣдственное вліяніе война сія имѣтъ тогда будетъ на судьбу нашего отечества.

„Итакъ, на Дунаѣ, въ рукахъ вашихъ теперь находится, такъ сказать, будущая ея участь.

„Вамъ, исполненному любви и усердія къ его пользамъ, излишне бы было изъяснять, сколь обязанность сія должна быть для насъ священна. Именемъ сей обязанности Я требую, чтобы, отложивъ намѣреніе ваше къ переходу за Дунай, употребили вы всѣ, и самыя крайнія, усилія держаться въ странѣ, вами занимаемой, и если невозможно идти далѣе или вызвать визиря на генеральную баталію, то удерживать покрайней мѣрѣ ваше положеніе, отражалъ всѣ покушенія непріятеля, и обуздывать его, доколѣ не представится случая и возможности къ рѣшительному сраженію.

„Трудно себѣ представить, чтобы силы турецкія были въ великомъ превосходствѣ, а если бы онѣ и были таковы, то самый опытъ послѣдняго сраженія доказываетъ, что, при отличныхъ вашихъ усмотрѣніяхъ, войско наше не измѣряетъ успѣховъ числомъ непріятеля, но превосходствомъ мужества и искусства. Сверхъ сего извѣстно, что чѣмъ ближе къ зимѣ, тѣмъ войска турецкія болѣе разсываются, и никакая сила отъ побѣговъ ихъ удержать не можетъ.

„Не требую Я, чтобы предпріяли вы въ настоящее время переходъ Балканскихъ горъ, но не могу себѣ представить, чтобы затрудненія, отъ продовольствія происходящія, сдѣлали для васъ невозможнымъ удержать покрайней мѣрѣ настоящее ваше положеніе.

„Въ настоящее время, когда и Нева еще не стала, предполагать нельзя, чтобы транспорты по Дунаю были уже невозможны, и, слѣдовательно, усугубивъ усилія и не щадя даже издержекъ, можно, пользуясь сообщеніями, нынѣ тамъ существующими, сдѣлать заготовленіе провіанта въ крѣпостяхъ, нами обладаемыхъ, какъ-то: въ Гирсовѣ, въ Тульчѣ или Мачинѣ, или даже устроить и особенный для сего довольно крѣпкій ретраншанментъ. Между тѣмъ, извѣстно, что Дунай никогда не по-

крывается крѣпкимъ льдомъ. Оттепель или бури нѣсколько дней могутъ повреждать открывать его судоходство. Пользуясь сими временными открытіями, можно будетъ возобновлять ваши запасы и держать ихъ всегда въ нѣкоторомъ равновѣсіи, сберегая то, что будетъ въ крѣпостяхъ заготовлено.

„Что принадлежитъ до перевозки продовольствія на сухомъ пути, то нѣтъ сомнѣнія, что, употребивъ мѣры настоятельной ишїи, нежели какія Чевкинъ употребляетъ, и по уваженію нужды отложивъ въ сторону всѣ споровки, къ которымъ, кажется, онъ склоненъ, можно будетъ забирать въ областяхъ, нами занимаемыхъ, всѣ потребныя къ сему обывательскіе обозы и воловъ, и такимъ образомъ часть сію обезпечить. Впрочемъ, вамъ самимъ извѣстно, что когда въ Торнео, зимою, при подобныхъ затрудненіяхъ продовольствія, войска наши не только могли держаться, но и побѣждать и побѣдами доставить столь славный миръ, то чего не могутъ они превозмочь своею неутомимостію и тогда, какъ дѣятельныя ваши распоряженія ихъ одушевляютъ. Я уполномочиваю васъ, въ случаѣ необходимости, уменьшить порцію въ половину, замѣняя мясомъ, въ кремѣ нельзя въ томъ краю предполагать недостатка.

„Въ семъ положеніи вещей нельзя, конечно, избѣжать многихъ неудобствъ и даже нужно будетъ иногда вѣдаться въ отвагу; но сила уваженій, по которымъ требую Я, чтобы вы сохранили настоящее ваше положеніе, есть столь существенна, что всѣ сіи неудобства передъ нею исчезаютъ. *Здѣсь необходимость дѣлаетъ законъ.*

„Если, по соображеніямъ вашимъ, признаете вы полезнымъ усилить вѣренную вамъ армію, то отъ васъ будетъ зависѣть присоединить къ себѣ изъ резерва все то, что признаете вы нужнымъ, оставивъ только при той сторонѣ нужное количество войскъ для прикрытія Журжи и Браилова. По настоящимъ обстоятельствамъ, весь обсервационный корпусъ, бывшій подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ланжерона, отъ стороны Австріи расположенный, сдѣлается тамъ ненужнымъ.

„Изъяснивъ вамъ такимъ образомъ всю настоятельность, чтобы настоящее положеніе ваше за Дунаемъ было по крайней мѣрѣ сохранено, если предпріятіе новыхъ дѣйствій до весны считаете вы невозможнымъ, Я удостовѣренъ, что все сіе исполните вы съ тою благоразумною твердостію, коею столько

опытовъ Я видѣлъ и кося отечество несомнѣнно отъ васъ ожидаетъ.“

Таковы были требованія императора Александра, основанныя на тогдашнемъ положеніи политическихъ дѣлъ. Война съ Швеціею кончилась. Въ исходѣ августа и въ началѣ сентября шведское правительство неоднократно высказывало желаніе приступить къ трагованію о мирѣ. Графъ Румянцевъ отправленъ былъ въ Фридрихсгамъ для свиданія съ шведскими полномочными. 5-го сентября были подписаны главныя статьи мирнаго трактата, состоявшія въ слѣдующемъ: 1) Швеція обязалась заключить миръ съ союзниками нашими Франціею и Даніею; 2) Швеція приступаетъ къ такъ называемой континентальной системѣ и закрываетъ порты свои для военныхъ и купеческихъ судовъ Англіи; 3) вся Финляндія, съ Аландскими островами, присоединяется къ Россіи и рѣка Торнео полагается границею на сѣверѣ (15).

Сообщая о заключеніи Россіею такого славнаго мира съ Швеціею, петербургскій кабинетъ предлагалъ князю Багратиону воспользоваться этимъ случаемъ и извѣстія о мирѣ распространить внутри Турецкой имперіи.

„Вашему сіятельству, конечно, не безызвѣстно, въ какомъ съ давнихъ временъ уваженіи Швеція находится у турокъ, и я потому убѣдительнѣйше прошу васъ о заключенномъ у насъ мирѣ съ сею державою и о присоединеніи къ Россіи столь важной и обширной провинціи распространить слухи сколь можно далѣе внутри Турецкой имперіи, дабы чрезъ то еще увеличить страхъ въ туркахъ къ оружію нашему и уваженіе ихъ къ обширнымъ нашимъ способамъ.“

„Я получилъ здѣсь же (въ Фридрихсгамѣ), что въ первые дни командованія вашею арміею ваше сіятельство украсили уже войска наши новыми лаврами. Примикнувъ побѣждать непріятеля и умножать славу отечества, не сомнѣваюсь я, чтобы знаменитыми подвигами вашими, въ непродолжительномъ времени, не доставили вы намъ радости праздновать миръ съ Портою Оттоманскою (16).“

Обнародовавъ извѣстіе въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи, князь Багратионъ принялъ мѣры къ распространенію его внутри Турецкой имперіи. Онъ набралъ посредниками для передачи

(15) Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ, картонъ 71.

(16) Графъ Румянцевъ къ князю Багратиону, 5-го сентября 1809 года.

этихъ свѣдѣній генераль-лейтенанта дюка де-Ришельё, тайнаго совѣтника Кушникаго и коллежскаго совѣтника Кирико. Главнокомандующій поручилъ имъ распространить эти извѣстия какъ бы происходящими отъ лицъ безпристрастныхъ или даже принимающихъ участіе въ интересахъ Порты Оттоманской. Онъ старался, чтобы по мѣрѣ возможности было внушаемо Турціи, что заключеніе мира съ Швеціею придаетъ Россійской имперіи новыя силы и предоставляетъ распоряженію императора Александра многочисленную армию, которая весьма легко можетъ быть обращена противъ Порты Оттоманской, „если сія послѣдняя не послѣдуетъ примѣру древней ея союзницы Швеціи и не поспѣшитъ просить о мирѣ“. Сверхъ того г. Кирико получилъ приказаніе главнокомандующаго передать, между прочимъ, извѣстіе это бывшему въ Букарестѣ французскому вице-консулу Леду, наемкнувъ ему при томъ, что не мѣшало бы сообщить о томъ французскому повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополь, Латуръ-Мобуру, тѣмъ болѣе, что оно можетъ произвести въ Царѣградѣ весьма хорошее впечатлѣніе въ пользу французской миссіи, особливо же по содержанію первыхъ двухъ пунктовъ мирнаго трактата нашего съ Швеціею.

Дѣйствительно, нѣсколько дней спустя князь Багратіонъ получилъ отъ г. Леду письмо, въ которомъ онъ просилъ о присылкѣ ему паспорта для отправления курьера въ Константинополь къ Латуръ-Мобуру, съ извѣстіемъ о мирѣ Россіи съ Швеціею. Воспользовавшись этимъ случаемъ, главнокомандующій самъ написалъ письмо къ французскому повѣренному въ дѣлахъ, въ которомъ, изложивъ главные условия мира и указавъ на первые два пункта, прибавилъ: „Мнѣ тѣмъ болѣе пріятно сообщить вамъ эту важную новость, что она должна значительно охладить приверженность къ Англіи Порты Оттоманской и показать ей, что между двумя дворами (русскимъ и французскимъ) теперь еще болѣе должна существовать тѣнѣйшая связь.“ (17)

Частыя стычки князя Багратіона съ турецкими войсками и его успѣшныя дѣйствія, выведшія молдавскую армию изъ того сонливаго положенія, въ которомъ держалъ ее князь Прозоровскій; подавали надежду нашему правительству, только что заключившему такой блистательный миръ съ Швеціею, что побѣды

(17) Copie de la lettre de Pr. Bagration à Monsieur de-la-Tour-Mobourg. 29 Sept. (11 Oct.) 1809.

князя Багратиона заставить Порту Оттоманскую просить мира. Графъ Румянцевъ особенно настаивалъ на этомъ. Онъ писалъ еще князю Прозоровскому (18), что, въ случаѣ, если бы упорное несоглашеніе Порты заставило распространить наши завоеванія до самой столицы, въ чемъ онъ не сомнѣвался, то онъ находилъ возможнымъ не только заключить миръ на выгодныхъ и предложенныхъ нами условіяхъ, но предлагалъ даже взять съ турокъ до 20,000,000 піастровъ выкупа. Онъ надѣялся, что устрашенная столица, оставленная султаномъ и его министерствомъ, готова будетъ заплатить эту сумму.

„Впрочемъ, мѣра таковая предполагается только на случай, когда бы упорнымъ несоглашеніемъ турокъ на мирныя отъ насъ предложенія вынуждены мы были распространять далѣе и далѣе наши завоеванія; но предметъ наибольшаго для насъ важности есть поспѣшное заключеніе мира, и потому Его Величеству угодно, чтобы и по началіи войны ваше сіятельство не отвергали трактванія о мирѣ, но не останавливая уже для того военныхъ дѣйствій.“

Впослѣдствіи императоръ Александръ, какъ мы уже видѣли, неоднократно настаивалъ на томъ, чтобы по возможности скорѣе вступить съ Портою въ переговоры о мирѣ. Его глубокой политической умъ, который былъ понятъ современниками и которому отдають справедливость даже большая часть иностранныхъ историковъ, весьма хорошо понималъ и видѣлъ, что для Россіи 1809 годъ былъ самымъ благоприятнымъ временемъ для увеличенія своего политическаго вѣса въ ряду европейскихъ державъ. Запутанность дѣлъ въ Европѣ давала намъ всѣ средства привести дѣла наши съ Портою Оттоманскою къ наилучшему окончанію.

Двѣ главныя державы, Австрія и Франція, которыя, можетъ быть, при другихъ обстоятельствахъ наши бы свой интересъ въ нашихъ дѣлахъ съ Портою и которыя по могуществу своему могли намъ препятствовать, теперь были слишкомъ много заняты собственнымъ своимъ дѣломъ. Война Франціи съ Австріею развязывала намъ руки, по мнѣнію нашего правительства. Князь же Прозоровскій думалъ иначе: онъ подгадалъ, что при движеніи его впередъ и въ случаѣ побѣды австрійцевъ надъ французами, первые отрубятъ его отступленіе. Несмотря на

(18) Отъ 11-го марта 1809 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ, № 73.

требованія и убѣжденія императора Александра, онъ не предпринималъ ничего рѣшительнаго и, теряя время, терялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и выгодный моментъ для Россіи устроить и дѣла съ Портою такъ, какъ бы желали того ея представители.

„Изъ послѣднихъ бюллетеней — писалъ графъ Румянцевъ князю Прозоровскому (19) — изволите вы усмотрѣть, что императоръ Наполеонъ одержалъ знаменитые успѣхи надъ австрійцами и принудилъ ихъ уже ретироваться въ Моравію. Удары сіи, конечно, поразили тягостнѣйшимъ образомъ австрійскую монархію, но не лишили ее всѣхъ способовъ къ сопротивленію. Армія австрійская числомъ своимъ еще превосходитъ французскую; притомъ же послѣднія дошедшія сюда извѣстія сообщали намъ, что Англія сдѣлала высадку въ Италиі и Германіи, хотя еще и не въ важной силѣ, но что отправляетъ туда войска весьма многочисленныя.

„Судя по прежнимъ примѣрамъ, можно бы думать, что Англія, свѣдавъ о неудачахъ Австріи, предоставитъ ее собственному жребію, но ежели однакожь, высадивъ уже войска свои въ Германіи и въ Италиі, рѣшится она поддержать Австрію своимъ содѣйствіемъ, то, конечно, способности державы сея къ сопротивленію Франціи тѣмъ болѣе увеличатся. Все сіе должно, конечно, продлить настоящее положеніе обстоятельствъ, столь способствующее къ окончанію дѣлъ нашихъ съ Портою.“

Въ такое-то время императоръ Александръ желалъ убѣдить и склонить Порту къ миру. Наше правительство поручало князю Прозоровскому убѣдить турокъ въ томъ, что трудно и даже невозможно отнять отъ насъ тотъ край, который мы занимали, что Россія требуетъ отъ Порты не уступки этого края, потому что мы уже имъ владѣемъ, а только признанія его за нами; что, полагая Дунай границею своихъ владѣній, Россія не можетъ искать, ни имѣть даже въ виду никакихъ другихъ пріобрѣтеній отъ блистательной Порты; что, напротивъ того, по собственнымъ нашимъ выгодамъ, мы должны желать, чтобы всѣ остальные турецкія владѣнія оставались нераздѣльными. Словомъ сказать, петербургскій кабинетъ желалъ заключить миръ съ Портою на прочныхъ началахъ.

„Дабы тѣмъ вѣнше увѣрить Порту въ искренности нашихъ намѣреній и расположить ее къ соглашенію на требованія наши;

(19) Отъ 16-го іюля 1809 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

ваше сіятельство можете вразумить, что ежели бы Порты пожела- ла включить въ мирный трактатъ гарантію нашу о цѣлости всѣхъ остальныхъ затѣмъ владѣній ея, то отъ нея зависить просить того, и хотя ваше сіятельство по предмету сему ника- кихъ предписаній не имѣете, но надѣетесь, что Его Величество, въ наибольшее доказательство благихъ своихъ расположеній къ Портѣ, и на то согласится. Что касается до существующаго у Порты мира съ Англіею, то всего лучше ничего не упоминать о томъ, а ежели бы со стороны Порты сдѣланъ былъ вопросъ: не будетъ ли миръ сей препятствіемъ къ постановленію мира съ нами, то, не входя въ объясненія по сей матеріи, отвѣчать, что ваше сіятельство будете держаться однихъ только prelimi- нарныхъ пунктовъ.“

Князь Прозоровскій не подвинулъ далеко вопроса о мирныхъ переговорахъ. Онъ скончался, и армія перешла подъ начальство князя Багратиона. Петербургскій кабинетъ не измѣнилъ своего желанія окончить войну съ турками выгоднымъ миромъ, но требовалъ, въ случаѣ неуступчивости турокъ, рѣшительныхъ и быстрыхъ дѣйствій. Дѣйствія, начатыя столь успѣшно новымъ главнокомандующимъ, какъ нельзя болѣе соответствовали ви- дамъ императора Александра. Наше правительство стало те- перь надѣяться уже на то, что мы достигнемъ *славнаго* мира съ Портою и не распространяя завоеваній нашихъ до даль- нихъ предѣлахъ. Чѣмъ военные успѣхи были значительнѣе, тѣмъ болѣе они вызывали съ нашей стороны желаній и тре- бованій. Побѣды князя Багратиона, его движенія за Дунаемъ породили мнѣніе, что Порты уже не вправѣ ожидать отъ Россіи тѣхъ снисходительныхъ требованій, которыя были ей предло- жены прежде. Полагали, что теперь, при переговорахъ о мирѣ, къ статьямъ, проектированнымъ прежде, можно было присоеди- нить еще одну: чтобы Порты заплатила 20,000,000 піастровъ въ вознагражденіе наше за убытки. Такимъ образомъ, предпо- лагая сначала взять эту сумму только по овладѣніи столицею, теперь русскій кабинетъ считалъ необходимымъ взять ее во всякомъ случаѣ, гдѣ бы ни были ведены мирные перего- воры (20).

Князь Багратионъ назначенъ былъ уполномоченнымъ со сто- роны Россіи въ случаѣ, если бы турки изъявили желаніе за-

(20) Графъ Румянцевъ къ князю Багратиону отъ 18-го сентября 1809 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

ключить миръ. Ему, какъ и князю Прозоровскому, было поручено не упускать случая, среди военныхъ дѣйствій, къ заключенію мира и пользоваться всякимъ удобнымъ моментомъ къ началю мирныхъ переговоровъ. Препровождая къ нему полную мочь за подписаніемъ императора Александра, министр иностранныхъ дѣлъ, графъ Румянцевъ, писалъ: „Его Величество, въ полномъ удостовѣреніи о неограниченномъ вашемъ усердіи къ Высочайшей Его Особѣ и къ отечеству, по сему предмету поручить мнѣ изволилъ войти съ вашимъ сіятельствомъ въ слѣдующее объясненіе:

„Безпрестанныя упражненія вашего сіятельства по военной части, всегда продолжаемыя съ толикою дѣятельностію и блескомъ, конечно, не могли оставить вамъ времени для политическихъ упражненій. Его Величество, оставляя вамъ всю славу совершенія мира, находитъ однакожь нужнымъ употребить при мирной негодіаціи челоувѣка, имѣющаго большую опытность въ упражненіяхъ сего рода и въ разныхъ до того относящихся обрядахъ. Выборъ Его Величества палъ на трехъ особъ, изъ коихъ, по особливому къ вамъ благоволенію, не желаетъ однакожь Онъ никого назначить, не узнавъ, кто изъ нихъ можетъ быть для васъ ловчѣе.“ (21)

Первымъ, кого предполагали назначить въ помощь князю Багратіону, былъ графъ Викторъ Павловичъ Кочубей; вторымъ дюкъ де-Ришелье и третьимъ Алопеусъ. Изъ этихъ трехъ лицъ императоръ Александръ желалъ назначить болѣе всего дюка де-Ришелье, потому, во-первыхъ, что графъ Кочубей былъ старше чиномъ князя Багратіона, что не могло быть удобно, если бы турки при подписаніи мирнаго трактата потребовали ратификаціи князя Багратіона, какъ главнокомандующаго; во-вторыхъ, какъ графъ Кочубей, такъ и Алопеусъ не могли имѣть тѣхъ свѣдѣній относительно сношеній нашихъ съ Портою, какія имѣлъ дюкъ де-Ришелье, и, притомъ, какъ люди невоенные, они наши бы, „можетъ быть, неудобство безпрестанно слѣдовать за арміею, особливо ежели бы война продолжалась“.

Генераль-лейтенантъ дюкъ де-Ришелье, будучи подъ начальствомъ князя Багратіона, представлялъ все удобство къ такому назначенію. Его опытность, дипломатическія дарованія и короткое знаомство со всѣми сношеніями нашими съ Пор-

(21) Графъ Румянцевъ къ князю Багратіону отъ 18-го сентября 1809 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

тою Отоманскою и торговыми пограничными и черноморскими операціями давали ему первенство передъ всѣми тремя названными лицами. Предлагаая князю Багратиону изъ трехъ выбрать одного, наше правительство въ сущности предлагало одного и указывало прямо на дюка де-Рипелле, какъ человѣка необходимаго и знающаго всѣ выгоды, „которыя выговорить и соблюсти должно при постановленіи мира“.

Князь Багратионъ отвѣчалъ съ тою чистою прямою, которая дышетъ въ большей части его писемъ и поступковъ. „Удовлетворяя желанію вашего сіятельства—писалъ онъ графу Румянцеву (22)—отвѣтствовать я буду по сему предмету съ тою неограниченною откровенностію, которая составляетъ главную черту моего характера, и съ тѣмъ чистосердечіемъ, которое мнѣ, яко человѣку военному, наиболѣе приличествуетъ.

„Воля всемилостивѣйшаго Государя моего во всѣхъ случаяхъ и по всѣмъ отношеніямъ есть священный для меня законъ, а потому выборъ Государя Императора служить мнѣ правиломъ и наставленіемъ. Отличныя дарованія, свѣдѣнія и опытность графа Виктора Павловича Кочубея довольно извѣстны не токмо въ Россіи, но и у большей части европейскихъ дворовъ. Конечно, будучи старѣе меня въ чинѣ, не можетъ онъ быть полномочнымъ для трактованія о мирѣ тогда, когда верховный полномочный, долженствующій, по правиламъ, во всѣхъ мирныхъ трактатахъ съ Портою соблюдаемымъ, ратификовать мирный договоръ, моложе его. Но въ дѣлѣ, столь тѣсно сопряженномъ съ пользою, славою и благосостояніемъ имперіи, я въ полной мѣрѣ чуждъ отъ всякаго личнаго тщеславія и совершенно готовъ жертвовать всѣмъ, что только можетъ способствовать къ благу отечества моего. Вотъ искреннія мои разсужденія... Однакожь, если Государю Императору угодно будетъ прислать сюда кого-либо для трактованія о мирѣ, въ такомъ случаѣ предпочелъ бы я *природнаго русскаго всякому друтому*.

„Я позволю себѣ здѣсь только еще одно замѣчаніе: что какъ прелиминарныя статьи къ заключенію мира, приготовленные для предположеннаго въ Яссахъ конгресса, утверждены Государемъ Императоромъ и донынѣ не перемѣнены, то кажется мнѣ, что для заключенія прелиминарныхъ статей мира нѣтъ особенной надобности въ присылкѣ министра, который бы принужденъ

(22) Князь Багратионъ къ графу Румянцеву отъ 1-го октября 1809 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

былъ напрасно слѣдовать за арміею, до того времени, пока не станеть эпоха къ заключенію мира, которой предварительно никакъ опредѣлить нельзя. Коль же скоро прелиминарныя статьи турками подписаны будутъ, тогда назначаемый для трактованія министръ можетъ успѣть пріѣхать на конгрессъ къ тому времени, къ которому турецкіе полномочные прибудутъ. Опыты прошедшихъ временъ достаточно то доказываютъ.“

Получивъ полную мочь и приказаніе пользоваться всякимъ случаемъ для возобновленія сношеній о мирныхъ переговорахъ, князь Багратіонъ находилъ однакожъ невозможнымъ сдѣлать туркамъ какія бы то ни было мирныя предложенія, боясь, чтобы правительство Порты не признало этого явнымъ доводомъ слабости нашей и предложенія не приняло бы за просьбу о мирѣ. Надменность и гордость турецкаго правительства, увеличивающіяся въ гораздо большей степени, чѣмъ какой бы то ни было успѣхъ давалъ ему на то право, заставляли нашего главнокомандующаго быть чрезвычайно осторожнымъ во всѣхъ мирныхъ предложеніяхъ турецкимъ начальникамъ и ихъ правительству. Воспользовавшись капитуляціею гарнизона города Кюстенджи, князь Багратіонъ писалъ верховному визирю и просилъ его, чтобы условія капитуляціи были въ точности выполнены. Онъ какъ бы вскользь упомянулъ о томъ, что, для благоденствія взаимныхъ подданныхъ, возстановленіе мира и добраго согласія между обѣими сосѣдственными державами соотвѣтствовало бы искреннимъ и челоувѣколюбивымъ желаніямъ Императора Александра ⁽²³⁾. Писавши верховному визирю, князь Багратіонъ, впрочемъ, весьма мало надѣялся на успѣхъ, тогда какъ, напротивъ, нашъ кабинетъ возлагалъ твердую надежду, что вслѣдъ за Фридрихсгамскимъ миромъ „послѣдуетъ славнѣйшій еще того миръ—съ Портою Отоманокою.“ ⁽²⁴⁾

Для достиженія какого-нибудь положительнаго результата, необходимо было сильное пораженіе турецкихъ войскъ или же быстрое движеніе внутрь турецкихъ владѣній, и даже къ самому

⁽²³⁾ C'est sous le premier visiriat de Votre Excellence qu'une heureuse et étroite alliance avait resserré les liens d'amitié qui unissaient les deux Empires, et qui n'auraient jamais dûs se rompre. J'espère que ce sera sous son ministère encore, que la bonne harmonie se retablira entre deux voisins qui doivent être toujours amis pour leur intérêt commun et leur prospérité réciproque.

Tels sont du moins le voeux sincères de l'Empereur mon maître et les miens en particulier. J'aime à croire que Sa Hautesse votre auguste Souverain et Votre Excellence les partagent. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

⁽²⁴⁾ Графъ Румянцевъ къ князю Багратіону отъ 29-го сентября 1809 г.

Константинополю. Нерѣшительныя дѣйствія нѣсколькихъ лѣтъ въ послѣднюю войну приучили турокъ къ неуступчивости въ нашихъ требованіяхъ, такъ что теперь нуженъ былъ чувствительный ударъ для Порты, чтобы она могла склониться на наши требованія. Этотъ-то чувствительный ударъ съ нашей стороны и былъ невозможенъ. Приближеніе глубокой осени, намѣреніе верховнаго визиря удалиться въ Балканскія горы и тѣмъ укрыться и избѣжать всякаго серьезнаго столкновенія съ русскими войсками уничтожали всякую надежду къ достиженію мира, тѣмъ болѣе, что требованія наши при его заключеніи не только не уменьшались, но, напротивъ, увеличивались. Эти предположенія становятся еще болѣе ясными, если вспомнить, какихъ трудовъ и усилій стоило во время яскаго конгресса, въ 1791 году, склоненіе турецкихъ полномочныхъ на согласіе къ уплатѣ 7,000,000 турецкихъ піастровъ, тогда, когда Портъ Отоманской возвращались всѣ завоеванія наши, Молдавія со всѣми находящимися въ ней крѣпостями, включая даже и Брацловъ, и тогда, когда, послѣ пятилѣтней кампаніи, мы удержали за собою единственно голую степь между Бугомъ и Днѣстромъ. Напротивъ того, въ кампанію 1809 года наше правительство требовало уступки Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи — областей, которыя всегда были, такъ сказать, кормилицею Порты Отоманской и въ которыхъ двѣ сильныя крѣпости находились въ рукахъ турецкихъ. Сверхъ того освобожденіе изъ-подъ власти Порты цѣлой Сербіи и разстроенное положеніе финансовъ до такой степени, что Турція вела войну при помощи англійскихъ субсидій, все это указывало на невозможность достигнуть скорого и выгоднаго мира.

Трудно было предположить, чтобы турки при такихъ условіяхъ согласились на наши прежнія требованія, съ прибавкою еще платежа контрибуціи въ 20,000,000 піастровъ.

Тѣмъ не менѣе, князь Багратионъ обѣщаль не упускать изъ виду никакого случая къ достиженію мира. „Какъ бы то ни было — писалъ онъ графу Румянцеву — вѣще сіятельство можете въ полной мѣрѣ быть удостовѣрены, да и я прошу васъ удостовѣрить Государя Императора, что, по извѣстной, географической моей вѣрности и преданности къ священнѣйшей Его Особѣ и по усердіямъ моимъ къ пользамъ и выгодамъ отечества, я, какія бы затрудненія ни встрѣчалъ, не только не уступлю сей статьи изъ виду, но, напротивъ, употреблю всю попечитель-

ность мою и все стараніе мое къ исполненію и въ семьъ случаяхъ воли моего Монарха.“

Французскій повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ, Латуръ-Мобуръ, писалъ еще покойному князю Прозоровскому о весьма маломъ успѣхѣ сдѣланныхъ имъ внушеній министерству турецкому къ сближенію между Россією и Портою Оттоманскою. Онъ увѣдомлялъ, что Порта соглашается вступить въ мирные переговоры только тогда, когда русскія войска очистятъ Молдавію и Валахію. Князь Багратіонъ, найдя это письмо послѣ смерти князя Прозоровскаго, отвѣчалъ Латуръ-Мобуру, и въ отвѣтѣ своемъ старался всячески отклонить его отъ мысли, что мы ищемъ посредничества Франціи или его личнаго. Онъ писалъ, что Россія не ищетъ для себя ни посредника, ни ходатая у турецкаго правительства. Впослѣдствіи тотъ же повѣренный въ дѣлахъ, въ письмѣ своемъ къ князю Багратіону, излагалъ свое мнѣніе, что частыя предложенія Портѣ къ трактованію о мирѣ скорѣе вредны, чѣмъ полезны, и скорѣе могутъ отклонить ее отъ переговоровъ, нежели побудить ее къ тому. Въ самомъ дѣлѣ, турецкое министерство и правительство привыкли всякое предложеніе о мирѣ признавать самымъ неоспоримымъ доказательствомъ слабости или стѣсненнаго положенія воюющей съ Портою державы. Такое предубѣжденіе въ турецкихъ министрахъ доходило до того, что если бы Порта была дѣйствительно расположена къ миру, то предложеніе приступить къ заключенію его могло заставить отмѣнить прежнее намѣреніе или сдѣлать такого рода требованія, о которыхъ прежде и не предполагали. Латуръ-Мобуръ, обвинявшій въ неуступчивости турецкое правительство, въ то же самое время обнаруживалъ въ письмѣ своемъ желаніе быть посредникомъ между Россією и Портою и безъ всякаго повода со стороны князя Багратіона рѣшился сдѣлать Портѣ, отъ его имени, новое предложеніе о мирѣ.

Такое посредничество не могло быть принято нами. Петербургскій дворъ, еще раньше того предвидѣвшій, что Франція опять можетъ предложить свое посредничество въ мирныхъ заключеніяхъ съ Портою, озаботился сообщеніемъ князю Багратіону, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не соглашался на это посредничество. Князь Багратіонъ долженъ былъ отвѣчать, что еще на эрфуртскомъ свиданіи двухъ императоровъ рѣшено было устранить всякое участіе Франціи въ

устройство дѣлъ нашихъ ⁽²⁵⁾; что въ продолженіе того времени, пока мирные переговоры производились въ Парижѣ, при посредствѣ Франціи, покойный визирь, Мустафа-паша, нѣсколько разъ, письменно и словесно, настоятельно просилъ князя Прозоровскаго о вступленіи въ мирные переговоры безъ всякаго чуждаго посредства между договаривающимися сторонами и что Порта изъявила живѣйшую радость, когда наше правительство отстранило французское посредничество.

Отказать Матуръ-Мобуру въ его желаніи, устранить его отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла наши съ Портою было дѣломъ нетруднымъ въ то время, когда Россія приобрѣла еще болѣе вѣса въ политическомъ мірѣ.

2-го октября заключенъ былъ въ Вѣнѣ миръ между Франціею и Австріею, а 20-го числа послѣдовалъ размѣнъ ратификацій мирнаго трактата.

„На сихъ дняхъ—писалъ императоръ Александръ князю Багратиону — получено извѣстіе о размѣнѣ ратификацій мирнаго трактата, между Франціею и Австріею заключеннаго, съ чѣмъ вмѣстѣ и война Россіи съ сею послѣднею державою прекратилась. По основаніямъ сего мира, Австрія по прежнему остается сосѣдомъ нашимъ въ Галиціи; польскія провинці, вмѣсто предполагаемаго ихъ соединенія, пребудутъ навсегда раздѣленными между тремя державами. Россія приобрететъ вновь значительную часть сихъ провинцій. Другая часть ихъ, смежная съ герцогствомъ Варшавскимъ, присоединяется къ владѣніямъ короля саксонскаго. Такимъ образомъ, окончивъ благополучно шведскую войну, слагаемъ мы вслѣдъ затѣмъ бремя войны австрійской. Всѣ мечтанія объ отторженіи польскихъ провинцій исчезаютъ. Настоящій вѣщій порядокъ преграждаетъ ихъ и на будущее время. Вмѣсто потери Россія расширяетъ въ сей странѣ свое обладаніе. Возславъ Господу Богу благодареніе за столь счастливое сей войны окончаніе, Мы послѣпаемъ возвѣститъ вамъ о семъ радостномъ происшествіи, бывъ удостовѣрены, что извѣстіе въ войскѣ, вами предводительствуемомъ, принято будетъ счастливымъ предзнаменованіемъ и новымъ побужденіемъ къ скорѣйшему окончанію войны турецкой, чего отъ извѣстной ихъ храбрости и воинскихъ вашихъ усмотрѣній благодарное отечество несомнѣнно ожидаетъ и надѣется.“ ⁽²⁶⁾

⁽²⁵⁾ Графъ Румянцевъ къ князю Багратиону отъ 18-го сентября 1809 г.

⁽²⁶⁾ Арх. военно-топографическаго депо, № 47,350.

Императоръ Александръ хотя и принималъ участіе въ австро-французской войнѣ, но, тѣмъ не менѣе, желая возстановить миръ въ Европѣ, употреблялъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы возстановить мирныя отношенія между Австрією и Францією. Онъ всѣчески старался сохранить Австрію и дать ей возможность остаться въ числѣ первостепенныхъ державъ. Старанія русскаго императора и его желаніе не остались безуспѣшны: въ то время, когда императоръ Наполеонъ одержалъ нѣсколько побѣдъ и могъ считать себя въ правѣ располагать судьбою Австріи, онъ, присутствуя къ мирнымъ переговорамъ и потомъ при подписаніи мира, писалъ къ императору Александру, что сохранитъ Австрію и соглашается на столь умѣренныя условія только изъ уваженія къ русскому императору и изъ желанія сдѣлать ему удобное (27). Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Шампиньи, почти повторилъ изложеніе письма своего императора къ нашему министру иностранныхъ дѣлъ, графу Румянцеву. „Содержаніе сихъ писемъ и самый мирный трактатъ, доставляющій новыя Россіи пріобрѣтенія, съ одной стороны подтверждали дружественныя къ намъ расположенія французскаго кабинета, съ другой же служили основаніемъ миру между Россією и Австрією.“ (28)

Вскорѣ австрійскій генералъ графъ Сень-Жюльенъ прибылъ въ С.-Петербургъ съ письмомъ отъ австрійскаго императора къ Александру, наполненномъ выраженіями искреннѣйшаго и наилучшаго расположенія. Въ отвѣтъ на это прибытіе, посланъ съ нашей стороны генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ. Австрія заявила желаніе и просила о возстановленіи прежней дружбы съ Россією.

Вѣнскій дворъ, посылая генерала Сень-Жюльена въ С.-Петербургъ, думалъ окончить въ русской столицѣ новое разграниченіе между Австрією и Россією. Производя переговоры у царскаго трона, австрійское правительство надѣялось тѣмъ склонить императора Александра отказаться отъ новаго пріобрѣтенія въ Галиціи или, по крайней мѣрѣ, ограничить его чѣмъ-либо весьма незначительнымъ. Предвидя это, императоръ Александръ приказалъ графу Румянцеву сообщить графу Сень-Жюльену, что для переговоровъ по этому предмету сдѣлано распоряженіе. Князь Голицынъ уполномоченъ вслѣдствіе того

(27) Отъ 10-го октября 1809 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

(28) Графъ Румянцевъ къ князю Багратиону отъ 29-го октября 1809 г.

заклѣчить конвенцію о постановленіи, на основаніи вѣнскаго трактата, новыхъ границъ между Россіею и Австріею.

Такое заявленіе сочувствія и добрыхъ расположеній со стороны вѣнскаго двора ставило императора Александра въ еще болѣе блестящее положеніе въ политическомъ мѣрѣ. Петербургскій кабинетъ былъ увѣренъ теперь, что ни Франція, ни Англія не предпримуть ничего противъ насъ и не стануть мѣшаться въ дѣла наши съ Портою Отоманскою.

Что же касается до отношеній Франціи и Австріи между собою, то можно сказать утвердительно, что хотя миръ и былъ заключенъ, но онъ не уничтожилъ вражды ихъ другъ къ другу. По всѣмъ извѣстіямъ, доходившимъ до нашего правительства, нельзя было сомнѣваться въ ненависти вѣнскаго кабинета къ императору Наполеону. Можно было предполагать, что, при первомъ случаѣ, какъ только Австрія соберется съ силами, она непрочъ будетъ еще разъ попытаться счастья въ борьбѣ съ Франціею. Въ тогдашнемъ же ея состояніи такое покушеніе было невозможно и безразсудно и могло бы навлечь австрійской монархіи окончательное пораженіе.

Съ другой стороны, императоръ Наполеонъ во всѣхъ своихъ поступкахъ и разговорахъ явно обнаруживалъ досаду и негодованіе къ австрійскому дому. Онъ называлъ *коварною* войну, которую Австрія объявила ему. Представляя законодательному обществу картину положенія Франціи, Наполеонъ началъ ее весьма колкимъ намекомъ на счетъ императора Франца и язвительными насмѣшками на счетъ эрцгерцога Фердинанда. Все это происходило тогда, когда миръ между Франціею и Австріею только что былъ подписанъ. Чего же можно было ожидать впоследствии?

При такомъ политическомъ положеніи, очень естественно, что Австрія дорожила союзомъ съ Россіею, въ виду разрыва съ Франціею, разрыва, начало котораго, по принятому поведенію Наполеона относительно вѣнскаго кабинета, было трудно предвидѣть. Оттого-то Австрія старалась выказать всячески свое расположеніе къ Россіи.

Вѣнскій дворъ извѣстенъ — писалъ графъ Румянцевъ князю Багратиону (29) — что безъ добрыхъ къ нему расположеній Государя Императора примиреніе съ Франціею стоило бы

(29). Отъ 28-го ноября 1809 г.

гораздо большихъ пожертвованій. Все сіе, а равно и настоящіе способы Австріи, по тѣмъ, сумнѣнію не подлежащимъ, свѣдѣніямъ, какія о положеніи ея мы имѣемъ, должно, конечно, удалить всякое съ нашей стороны опасеніе, чтобы держава сія могла, какіе-либо противу насъ питать на сей разъ замыслы.⁴ Въ самомъ дѣлѣ, истощенная войною, которую едва успѣла она окончить, и результатомъ которой было уменьшеніе ея владѣній, обязавшись, секретнымъ актомъ, заплатить Франціи восемьдесятъ-пять милліоновъ контрибуціи и не имѣть впередъ войска болѣе полутора ста тысячъ человѣкъ, могла ли Австрія рѣшиться, при такомъ положеніи, на новыя столкновенія съ Россією? Конечно, нѣтъ.

„Герцогство Варшавское—говорилось въ „Мониторѣ“, отъ 24-го декабря 1809 года.⁽³⁰⁾—увеличено присоединеніемъ части Галиціи. Императору было бы весьма нетрудно присоединить къ герцогству и всю Галицію; но онъ не желаетъ дѣлать ничего такого, что могло бы возбудить безпокойство и опасеніе въ его другѣ и союзникѣ, русскомъ императорѣ. Галиція, прежняго раздѣла, почти вся цѣликомъ оставлена во владѣніи Австріи. Его Величество не имѣлъ вовсе въ виду возстановленія Польши. То, что сдѣлалъ императоръ для новой Галиціи, его побудила къ тому политика, конечно, гораздо менѣе, чѣмъ его достоинство: онъ не могъ предоставить мщенію неумолимаго (implacable) принца народъ, который показалъ себя столь горячо преданнымъ Франціи.

„Молодой австрійскій принцъ, тотъ самый, который командовалъ подъ Ульмомъ въ 1805 году, столько же надменный, сколько несвѣдуцій въ военномъ искусствѣ, не зналъ, съ 40,000 человѣкъ, что будетъ разбитъ княземъ Понятовскимъ, имѣвшимъ только 13,000. Вслѣдствіе дурныхъ расчетовъ своего генерала, австрійскій домъ потерялъ западную Галицію, жители которой съ энтузіазмомъ стряхнули иго, тяготѣвшее надъ ними. Не подчинять ихъ снова тому же дому было обязанностію императора. Его величество желаетъ, чтобы подъ мудрымъ правленіемъ саксонскаго короля жители великаго герцогства Варшавскаго обрѣли спокойствіе и наслаждались счастіемъ, не дѣлая безпокойства сосѣдямъ.“

Положеніе нашихъ дѣлъ въ отношеніи Франціи, какъ вид-

⁽³⁰⁾ Extrait de l'exposé de la situation de l'Empire français au 1-r decembre 1809 par le ministre de l'interieur.

но, было таково, что, нельзя было предполагать возможности ея внимательства въ дѣла Россіи съ Турціею. Самолюбіе императора Наполеона не могло допустить, конечно, послѣ столькихъ увѣреній въ дружбѣ и радости при поздравленіи императора Александра съ шведскимъ миромъ, мысли быстро перейти къ разрыву. Его интересы требовали обратить большее вниманіе на испанскія дѣла; ему необходимо было скорѣе ихъ окончить.

„Никогда нельзя полагать, чтобы тайныя связи могли соединять Францію и Австрію, во вредъ Россіи; тѣмъ менѣе еще можно полагать то нынѣ, послѣ нанесенныхъ императоромъ Наполеономъ жестокихъ ударовъ австрійской монархіи, особливо же когда въ Австріи управляетъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ графъ Меттернихъ, который, бывъ передъ симъ посломъ въ Парижѣ, былъ главною причиною войны, возникшей между сими двумя державами. По всѣмъ симъ соображеніямъ, я въ полномъ остаюсь удостовѣреніи, что нѣтъ намъ причины опасаться, чтобы Австрія или Франція употребили теперь способности оружія, дабы помѣшать успѣху предпріятій нашихъ противъ Порты, и что, по стеченію обстоятельствъ, вѣроятно, что въ продолженіе еще полутора года дѣйствія наши никакими съ ихъ стороны мѣрами стѣснены быть не могутъ.

„Но, объясняясь съ вашимъ сіятельствомъ со всею искренностію и повѣряя единственно вамъ всё мои усмотрѣнія, я не хочу скрыть отъ васъ, что, по прошествіи сего термина, обстоятельства могутъ менѣе намъ благоприятствовать, а потому и должно всемѣрно стараться сколь можно скорѣе дѣла наши съ Портою окончить. Его Величество ожидаетъ того отъ любви вашей къ отечеству и отъ усердія и ревности вашей къ Его Особѣ. Одно и единственное средство, которымъ можемъ мы цѣли сей достигнуть, есть то, чтобы сильнымъ пораженіемъ арміи, подъ личнымъ начальствомъ верховнаго визиря, принудить его къ миру. Достигнувъ онаго, утвердивъ тѣмъ обширныя пріобрѣтенія наши по Дунаю и имѣя тогда въ полномъ и свободномъ распоряженіи всё наши войска, никакихъ уже непріятельскихъ покушеній не можемъ мы опасаться“.⁽³¹⁾

Предположенія нашего правительства вполне оправдались. 3-го декабря, въ собраніи законодательнаго корпуса, рѣчь, го-

(31) Графъ Румянцевъ къ князю Багратиону отъ 28-го ноября 1809 г.

воренная императоромъ Наполеономъ, обратила на себя всеобщее вниманіе. Будучи весьма любопытна, по самому изложенію политической системы, которой Наполеонъ намѣренъ былъ держаться, она заслуживала особеннаго вниманія нашего правительства, какъ отзывъ французскаго императора относительно Россіи.

„Je protégerai la Porte — говорилъ Наполеонъ собранію законодательнаго сословія — si la Porte s'arrache à la funeste influence de l'Angleterre; je saurai la punir, si elle se laisse dominer par des conseils astucieux et perfides.“

„Mon allié et ami, l'Empereur de Russie, a réuni à son vaste Empire la Finland, la Moldavie, la Valachie et un district de la Gallicie. Je ne suis jaloux de rien de ce qui peut arriver de bien à cet Empire. Mes sentimens pour son illustre Souverain sont d'accord avec ma politique.“ (32)

Признаніе за Россіею провинцій, завоеванныхъ отъ Порты, заключалось до сихъ поръ въ одномъ только секретномъ актѣ, подписанномъ въ Эрфуртѣ, и потому не было извѣстно никому. Теперь императоръ Наполеонъ, въ рѣчи, говоренной съ престола, назвалъ эти провинціи присоединенными къ Россіи. Съ одной стороны признаніе завоеваній нашихъ, съ другой отзывъ, помѣщенный въ той же рѣчи на счетъ Турецкой имперіи, которую онъ угрожалъ наказать, если она будетъ слѣдовать англійской политикѣ, все это, конечно, должно было уничтожить надежды въ турецкомъ министерствѣ, до сихъ поръ полагавшемъ, что въ приобрѣтеніи земель по рѣву Дунай Россія должна встрѣтить сопротивленіе со стороны Франціи.

Дѣйствительно, турки увидѣли, что имъ нечего полагаться на Францію, требованія которой, заявленныя французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Константинополѣ, вполнѣ подтверждали обѣщанія и угрозы императора. Латуръ-Мобуръ требовалъ отъ правительства Порты Отоманской высылки англійскаго посла и воспрещенія входа англійскихъ кораблей въ турецкіе порты. Въ случаѣ исполненія требованій Франціи,

(32) „Я буду покровительствовать Портѣ, если она удалится отъ гибельнаго вліянія Англии; я наведу ее, если она подчинится коварнымъ и вѣроломнымъ совѣтамъ Англии.“

„Мой союзникъ и другъ, русскій императоръ, присоединилъ къ своей обширной имперіи Финляндію, Молдавію, Валахію и часть Галиціи. Я не завидую ничему тому, что можетъ быть хорошаго для этой имперіи въ будущемъ. Мои чувства къ знаменитому ея повелителю вполнѣ согласны съ моею политикою.“

Латуръ-Мобуръ обѣщалъ содѣйствіе императора Наполеона и его посредничество къ заключенію мира между Россіею и Портою Оттоманскою. Онъ обѣщалъ ходатайство императора Наполеона о возвращеніи туркамъ завоеванныхъ Россіею земель, угрожая, въ случаѣ отказа Порты о высылкѣ англійскаго посла, соединеннымъ дѣйствіемъ французскихъ и русскихъ войскъ въ турецкихъ областяхъ. Константинопольское министерство не рѣшилось отвѣчать положительно Латуръ-Мобуру. Оно сообщило требованіе французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ министрамъ, находившимся при верховномъ визирѣ.

Требованія Франціи были такъ неожиданны, что турки не знали первое время, что предпринять и какъ поступить. Драгоманъ Порты Оттоманской, князь Мурузи, отправилъ въ Букарестъ изъ Шумлы эмисаровъ, снабдивъ ихъ письмами къ Манукъ-бею. Письма эти служили только предлогомъ къ тому, чтобы узнать отъ Манукъ-бея, какимъ бы образомъ верховный визирь могъ вступить въ переписку съ княземъ Багратиономъ, для пріисканія способа къ началу мирныхъ переговоровъ, но такъ, чтобы начало мирныхъ предложеній истекало не отъ турецкаго правительства, а со стороны Россіи. Мурузи полагалъ этимъ достигнуть мира на условіяхъ, обѣщаемыхъ Франціею, но безъ ея посредничества, котораго вообще турки и желали и старались избѣгнуть, въ особенности послѣ переговоровъ, производившихся въ Парижѣ. Самъ князь Мурузи, по личной ненависти къ нему французовъ и ко всему его семейству, избѣгалъ ихъ посредничества, да и Порта вообще мало довѣряла Наполеону и всячески избѣгала какой бы то ни было связи съ Франціею въ своихъ политическихъ дѣлахъ. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Латуръ-Мобуръ писалъ французскому министерству, что до тѣхъ поръ, пока фамилія Мурузи будетъ въ нѣкоторомъ уваженіи у Порты, до тѣхъ поръ вліяніе миссіи французской въ Константинополѣ не будетъ имѣть твердаго основанія и уваженія. Впослѣдствіи, требуя конференціи у рейссъ-эфенди, французскій повѣренный въ дѣлахъ соглашался на нее не иначе, какъ тогда, когда изъ состава конференціи будетъ исключенъ драгоманъ Панаіоти Мурузи⁽³³⁾, и тѣмъ самымъ вновь доказалъ свое нерасположеніе ко всей этой фамиліи.

На сколько турки избѣгали посредничества и вообще какой бы

⁽³³⁾ Князь Багратионъ къ графу Румянцеву отъ 10-го ноября 1809 г. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

то ни было связи съ Франціею, на столько же, напротивъ, Порта старалась сохранить связь съ Англіею, тѣмъ болѣе, что Константинополь ничего столько не боялся, какъ англійскаго флота, появленіе котораго по сю сторону Дарданель могло быть сигналомъ новаго возмущенія противъ настоящаго правительства. Турція всегда была готова къ беспорядкамъ, оканчивавшимся очень часто междоусобными войнами. Мы имѣли случай упомянуть о раздорахъ, существовавшихъ между турецкими пашами и аянами. Начатіе военныхъ дѣйствій между нашими и турецкими войсками, а особенно прибытіе верховнаго визиря съ арміею на Дунай, послужило къ соединенію враждовавшихъ, и хотя личная вражда оставалась между ними, но не обнаруживалась явно и не могла представить намъ выгодъ и случая воспользоваться такими беспорядками. Извѣстно было всѣмъ, что бывшій верховный визирь Юсуфъ-паша былъ весьма дурно расположенъ къ Пегливанъ-пашѣ, но, имѣя въ немъ большую надобность, старался предупредить не только его требованія, но и желанія. Пегливанъ былъ произведенъ въ трехбунчукные пашы, тогда какъ съ своей стороны весьма хорошо зналъ расположеніе къ нему верховнаго визиря. Отличныя военныя дарованія Пегливана, силы, которыя были въ его распоряженіи, заставляли правительство турецкое ласкаться его и соглашаться на всѣ его требованія. Въ такой же зависимости, хотя и меньшей, было правительство турецкое и отъ другихъ, менѣе значительныхъ, пашей и аяновъ, и потому, очень естественно, оно боялось навлечь на себя какое бы то ни было ихъ неудовольствіе, а тѣмъ болѣе неудовольствіе народа, на сколько гордаго и неуступчиваго при успѣхѣ, на столько же подверженнаго паническому страху при неудачѣ. Англійскій флотъ, нѣсколько разъ подходившій къ Константинополю, чуть не къ самымъ стѣнамъ домовъ, всегда внушалъ страхъ туркамъ. Оттого-то константинопольскій кабинетъ такъ боялся разорвать свой союзъ съ Англіею, дѣйствовавшею и угрозою турецкому правительству, и деньгами, которыми она снабжала пашей. Особеннымъ приверженцемъ Англіи являлся Али-паша янинскій, человѣкъ до чрезвычайности сребролюбивый. Назначенный бейлеръ-беємъ Ромелии, онъ соединился съ янычарами и составлялъ теперь всю силу Турціи, на которую константинопольское министерство могло рассчитывать. Онъ послалъ въ лагерь верховнаго визиря два съ половиною милліона піастровъ, полученныхъ имъ, по всей

вѣроятности, отъ Англїи, и обѣщаль поддержать Юсуфа въ военныхъ дѣйствїяхъ противъ Россїи. Али-паша яникскїй, съ своими янычарами, открыто держалъ сторону англичанъ и объявлялъ себя ихъ сторонникомъ. Другой паша, Пегливанъ, не пользовался расположенїемъ янычаровъ, какъ послѣдователь системы покойнаго Мустафы-Вайрактара. Турки были увѣрены въ томъ, что, съ окончанїемъ войны съ Россїею, Пегливанъ передастся на сторону русскихъ. Верховный визирь, нерасположенный къ Пегливану, питалъ ненависть и къ другому пашѣ, Иликъ-оглу, но не смѣлъ предпринять противъ нихъ ничего рѣшительнаго, потому что Пегливанъ былъ ему нуженъ въ военныхъ дѣйствїяхъ, а Иликъ-оглу поддерживали янычары, которыхъ верховный визирь боялся.

Таково было внутреннее состоянїе Турціи. Всматриваясь ближе въ положенїе дивана, нетрудно угадать, что одними словами трудно было склонить его на что-нибудь рѣшительное. Прежде окончательнаго постановленїя, диванъ необходимо долженъ былъ увѣриться, что паши и отдѣльныя личности, отъ которыхъ онъ зависѣлъ, будутъ согласны на его постановленїя.

Наше правительство не теряло однако надежды добиться до положительнаго результата. Оно старалось убѣдить Порту, что миръ будетъ заключенъ безъ участїя посредниковъ, по примѣру того, какъ онъ заключенъ между Россїею и Швеціею. „Нужно особливо убѣдить ее—писалъ графъ Румянцевъ къ князю Багратиону (34) — чтобы отнюдь она не надѣялась, чѣмъ бы то содѣйствїемъ ни было, наклонить насъ къ отступленїю отъ тѣхъ правилъ, которыя мы твердымъ образомъ предположили основанїемъ мирному договору.... Удаленїя изъ Царяграда англїйскаго посла не должно отнюдь, при переговорахъ съ турками, выставлять необходимою статью для нашего съ Портою примиренїя. Нужно вообще избѣгать всякихъ по сему предмету объясненїй, дабы самымъ о томъ молчанїемъ дать имъ уразумѣть, что пребыванїе въ Царѣградѣ англїйской миссіи не можетъ быть помѣхою для нашего примиренїя.“

Петербургскїй кабинетъ поручилъ князю Багратиону указать на странную политику турецкаго правительства, которое, будучи само увѣрено въ безуспѣшности и бесполезности дѣй-

(34) Деша отъ 11-го января 1809 года. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

ствій противъ Россіи, употребляетъ однако противъ насъ всё войска, не обращая вниманія на внутренніе безпорядки. Оставляя безъ защиты и обороны такъ называемыя турками святыя мѣста, правительство Порты предоставляло ихъ грабительству вахабитовъ. Указывая на эти безпорядки, петербургскій кабинетъ поручилъ князю Багратіону объяснить турецкому правительству, что скорымъ примиреніемъ съ Россіею Порты положила бы конецъ всѣмъ неурядицамъ и, возвратя войска свои во внутрь имперіи, возстановила бы у себя повсюду миръ и спокойствіе.

„Остается мнѣ—писалъ графъ Румянцевъ—сообщить вамъ Высочайшую волю, что ежели верховный визирь сдѣлаетъ предложеніе возобновить мирную негоціацію, то, чтобы вы, ласково принявъ такое предложеніе, изволили его увѣдомить, что мирная негоціація не можетъ имѣть другихъ правилъ основаніемъ, какъ тѣ, которыя Портѣ уже сообщены.“

Такимъ образомъ, наше правительство поставило непремѣннымъ условіемъ мира границу по Дунай, а князь Мурузи и съ нимъ все турецкое правительство не соглашались на это условіе и надѣялись достигнуть мира безъ уступки княжествъ Молдавіи и Валахіи и вообще какого бы то ни было клочка турецкой земли. Чего же можно было ожидать въ будущемъ отъ столь противоположныхъ интересовъ и требованій? Съ одной стороны требованіе, съ другой неуступка, а съ обѣихъ желаніе достигнуть прочнаго и выгоднаго мира. Возможенъ ли онъ былъ? Торжественное признаніе Наполеономъ Молдавіи и Валахіи за Россіею хотя, конечно, съ одной стороны, и обезпечивало насъ и въ то же время снимало, такъ сказать, съ Россіи часть заботъ объ удержаніи ихъ за собою, но вмѣстѣ съ тѣмъ трудно было допустить, чтобы рѣчь императора французевъ послужила достаточнымъ побужденіемъ для Порты къ поспѣшной уступкѣ намъ этихъ княжествъ мирнымъ трактатомъ, тѣмъ болѣе, что Наполеонъ, грозившій ей, въ то же время подавалъ ей надежду на возвращеніе княжествъ. Если бы мирный трактатъ былъ подписанъ, Турція показала бы себя весьма слабою какъ относительно европейскихъ державъ, такъ и своего народа. По извѣстіямъ изъ Константинополя, можно было заключить, что только одними побѣдами можно было достигнуть мира; что безъ разбитія войскъ турецкихъ никакія ни письменныя, ни словесныя внушенія не произведутъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на диванъ.

„Затѣмъ—доносилъ князь Багратионъ (35)—остается принять въ уваженіе, во-первыхъ, будутъ ли угрозы императора Наполеона довольно сильны, чтобы заставить Порту отречься отъ союза съ Англіею и, слѣдовательно, начать войну съ сею послѣднею, которой Порта наиболѣе страхнется, по причинѣ предстоящихъ ей способовъ учинить внезапное нападеніе на столицу Турецкой имперіи, принуждающую обыкновенно правительство въ таковыхъ случаяхъ къ рѣшимости, соотвѣтствующей ей сохраненію и безопасности. Во-вторыхъ, когда угрозы Франціи надъ Портою не подѣйствуютъ и война между ними возгорится, то не будемъ ли мы въ необходимости продолжать, для соблюденія принятой континентальной системы, разорительную для насъ войну дотождь, доколѣ императоръ Наполеонъ успѣетъ соединить на главѣ своей короны западной и восточной имперіи?

„Во всякомъ случаѣ, кажется, сомнѣнію не подвержено, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ Европы мы не будемъ уже въ состояніи приобрести пача въ Царѣградѣ то вліяніе, которое прежде имѣли и которое по всѣмъ отношеніямъ приносило важныя и существенныя пользы отечеству нашему.“

XVII.

Остановка арміи на правомъ берегу Дуная у Гирсова. — Письмо князя Багратиона къ графу Аракчееву и донесеніе императору Александру. — Письмо князя Трубецкаго къ государю. — Паденіе Браилова. — Письмо князя Багратиона къ Толстому. — Распоряженія главнокомандующаго по хозяйству войскъ. — Новая просьба князя Багратиона возвратиться на лѣвый берегъ Дуная. — Письмо графа Румянцева къ государю. — Переходъ арміи изъ-за Дуная на лѣвый берегъ.

Европейскія дѣла, о которыхъ мы упомянули вкратцѣ въ предъидущей главѣ, были причиною и основаніемъ рескрипта императора Александра къ князю Багратиону, приведеннаго нами въ началѣ той же главы.

Главнокомандующій получилъ этотъ рескриптъ 16-го ноября, спустя два дня послѣ отступленія своего отъ Траянова вала къ Гирсову, откуда онъ намѣренъ былъ переправиться обратно на лѣвый берегъ Дуная. Переправивъ уже нѣсколько полковъ черезъ мостъ, онъ получилъ какъ рескриптъ, такъ и словесное подтвержденіе князя Трубецкаго о непремѣнномъ желаніи императора, чтобы войска наши оставались въ Булгаріи. Пе-

(35) Отъ 13-го января 1810 года, № 25. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

реправа была остановлена и армія расположилась у Гирсова. Князь Багратіонъ не могъ скрыть своего огорченія, что его представленія не были уважены. „Я получилъ высочайшій указъ и исполнилъ свято, а донесъ обстоятельства настоящія — писалъ онъ къ графу Аракчееву ⁽³⁶⁾. — Не то можетъ случиться. Я не трусь, но боюсь потерять армію. Вѣрите мнѣ, что я дѣлалъ хорошо и въ мартѣ бы перешелъ, и какая разница! отдохнувши, одѣвши и накормивши. Нѣтъ, меня не послушали, а вѣрятъ чужимъ и тѣмъ самымъ, которые насъ губятъ. Ваше сіятельство русскій и я русскій, оба привержены Монарху. Вы министръ и близки: вспомните присягу и спасите армію или приготовьте въ мартѣ другую армію хорошую въ Молдавіи, и не менѣе, какъ въ 10,000. Хотятъ и думаютъ, что Порта Оттоманская не сильна; я васъ увѣрю, что очень сильна, и такъ умно и хорошо дерутся, какъ лучше невозможно. Планъ былъ мой неподобный. Браиловъ бы я взялъ скоро; усилить хотѣлъ обѣ Валахіи, обратить осадную артиллерію на Журжу, и тамъ бы перешелъ, гдѣ бы я хотѣлъ. Напротивъ, теперь все испорчено; я долженъ потерять армію. Одна слава, что я за Дунаемъ, а дѣйствовать не могу никакъ не токмо зимою, но и весною, ибо половина лошадей падутъ, а что останется, тѣ неподвижны будутъ, а что больныхъ и бѣглыхъ будетъ — страшусь и писать. Напрасно ставятъ въ примѣръ Пруссію и Финляндію — великая разница! Тамъ покрайней мѣрѣ множество дровъ и согрѣться и высушиться можно, а здѣсь нѣтъ даже чѣмъ и сварить. Скажите, ради Бога, можетъ ли армія послѣ сего быть сильна или храбра? Если удостоили меня командовать арміею, то надо уважить и представленія мои. Я не лгу и не трушу, а теперь сдѣлали меня трусомъ. Когда я говорю, что перешелъ бы рано, я бы исполнилъ и тогда бы отвѣчалъ какъ за переходъ, такъ и за побѣды; а теперь не могу ни за что отвѣчать.... Мнѣ кажется, честнѣе воевать противъ непріятеля, нежели противъ меня и общаго блага. Впрочемъ, воля ваша.“

Исполнивъ волю императора, князь Багратіонъ все-таки рѣшился высказать еще разъ неудобства, сопряженныя съ зимованьемъ на правомъ берегу Дуная.

Весь тамошній край состоялъ изъ голой степи. Правда, что

⁽³⁶⁾ Собственноручное письмо отъ 17-го ноября. Арх. военно-топографическаго депо, № 50,295, Lit. С. № 107.

во время правленія турецкаго мѣста эти были населены, но, съ самаго начала перехода войскъ нашихъ на правый берегъ Дуная, обыватели, или добровольно, или по принужденію турокъ, уходили въ Балканскія горы. Турки же, съ уходомъ ихъ, разоряли все, что только могли. Часть обывателей, остановлена нашими войсками, хотя и размѣщена была въ нѣкоторыхъ пустыхъ селеніяхъ, но впослѣдствіи оказалось, что люди эти служили лазутчиками туркамъ, и до такой степени, что наши фуражиры наткались на непріятеля въ мѣстахъ, гдѣ нельзя было его ожидать. Это заставило князя Багратиона перевести всѣхъ тамошнихъ обывателей на лѣвый берегъ Дуная и поселить ихъ по собственному ихъ выбору въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи или даже и въ Херсонской губерніи. Жилища ихъ состояли по большей части въ землянкахъ или въ плетневыхъ хижинахъ, изъ которыхъ многія были разорены турками, а другія обращены на дрова войсками нашими, во время походовъ и пребыванія въ тѣхъ мѣстахъ. Все это заставило князя Багратиона обратить серьезное вниманіе правительства на свое положеніе.

„Войска турецкія — доносили онъ ⁽³⁷⁾ — занимають города, крѣпости и вообще мѣста, населенныя и наполненныя въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ большими запасами всякаго рода, которые остаются всегда у нихъ въ тылу и откуда они безостановочно и въ изобиліи довольствоваться могутъ. Напротивъ, на всемъ пространствѣ земли, начиная отъ Тульчи и Исакии до Силистріи, Базарджика и Коварны, нѣтъ ни одного обывателя, нѣтъ ни жилища, ни пристанища, нѣтъ ни единого способа къ полученію хотя малѣйшей части изъ самыхъ первыхъ потребностей къ физическому существованію людей и скота. Даже самыя княжества Молдавія и Валахія находятся нынѣ въ такомъ положеніи, что они никакихъ способовъ не имѣють доставить арміи необходимыя для оной потребности.... Передъ непріателемъ сильнымъ, въ странѣ, нѣтъ ни по которой части неизвѣстной, находился, такъ сказать, упавши съ неба, съ силами, нисколько непріятельскимъ не соответствующими, при недостаткѣ всѣхъ, къ одолженію врага нашего нужныхъ, способовъ, посреди и во власти его. Вчетверо сильнѣйшее войско его въ Русуевъ, Тургузаѣ и Татарциѣ; другой также сильный непріятельскій корпусъ въ Базарджикѣ; всѣ способы къ полученію подкрѣпле-

(37) Отъ 17-го ноября, № 1,163. Арх. военно-топографическаго депю.
Т. ХLI. Отд. II.

ним, открытое для него море, все сіе представляло мнѣ истребленіе арміи, либо мечемъ непріятельскимъ, либо голодомъ. Цѣль, которую я себѣ при семъ переходѣ представлялъ, состояла въ томъ, чтобы въ продолженіе четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ привести войска въ порядокъ, оправить, одѣть и обути ихъ.... потомъ съ наступленіемъ ранней весны, со свѣжими, оправленными и всѣмъ снабженными войсками предпринять сильныя движенія противъ непріятеля.... Ранній переходъ, скорое и быстрое движеніе и сильное и удачное дѣйствіе вперили бы болѣе страха въ непріятеля, нежели совершенно бездѣйственное пребываніе мое здѣсь во все продолженіе зимы.“

Оставаясь на правомъ берегу Дуная, князь Багратионъ боялся распространенія въ войскахъ болѣзни. Тамошній климатъ, даже при всѣхъ удобствахъ къ жизни, весьма много способствовалъ къ развитію болѣзненности; тѣмъ болѣе могло это произойти при различнаго рода лишеніяхъ и самомъ главномъ изъ нихъ—недостаткѣ продовольствія. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ не было уже ни одного баталіона, въ которомъ не считалось бы по спискамъ половины больныхъ и не могущихъ выйти въ строй, и общее число ихъ достигало до 20,000 (38). По донесенію графа Ланжерона, полки страшно ослабѣли въ своемъ составѣ. Такъ въ Нижегородскомъ мушкетерскомъ полку графъ нашелъ только трехъ офицеровъ въ полку налицо. Новоингерманландскій полкъ, одинъ изъ лучшихъ въ арміи, имѣлъ подъ ружьемъ къ 1-му іюня до 1,000 человекъ; теперь же ихъ было налицо только 216. Пріѣхавъ въ Букарестъ еще въ августѣ, графъ Ланжеронъ нашелъ командировъ трехъ казачьихъ полковъ въ постели и не зналъ кому поручить аванпостную службу. Если бы эти же войска, претерпѣвавшія кромѣ того большой недостатокъ въ одеждѣ, къ постройкѣ которой тамъ не было никакихъ средствъ, оставить на всю зиму въ палаткахъ, безъ болѣе теплаго и сухаго пристанища, то можно сказать навѣрное, что половина не перенесла бы измѣненій климата и сдѣлалась жертвою смерти. Кромѣ того ежедневный расходъ фуража, состоявшій изъ 12,000 пудовъ сѣна, для своей перевозки требовалъ не менѣе 500 паръ воловъ. Дѣлая по 15 верстъ въ сутки и притомъ сѣдая сами изъ этого количества покрайней мѣрѣ по полтора пуда въ сутки, при четырехъ или пяти тысячахъ верстахъ

(38) Багратионъ къ графу Арапчеву отъ 22-го ноября.

разстоянія отъ магазина, не могли даже дойти до войскъ, или же могли придти пустыми. Для прокормленія воловъ надо было 20,250 пудовъ въ одинъ конецъ. Очевидно, кавалерія и артиллерія должны были оставаться безъ корма и потерять всѣхъ своихъ лошадей. Безъ нихъ же противъ турокъ дѣйствовать было нельзя.

Оставаясь на правомъ берегу Дуная, необходимо было изыскать для войска какое-нибудь помѣщеніе: построить имъ бараки или землянки. Въ голой степи, гдѣ нельзя было сыскать ни одной хворостинки или прута, это представляло крайнее затрудненіе. Недостатокъ дровъ былъ такъ великъ, что войска не находили ихъ даже для приготовленія теплой пищи. Эти лишения и недостатки, претерпѣваемые войсками, развили между нами наклонность къ побѣгамъ, тѣмъ болѣе, что турки теперь не только не принуждали дезертеровъ, какъ прежде, принимать магометанскую вѣру, но всячески ихъ ласкали и старались доставить имъ всевозможныя выгоды. „Зло сіе, коль скоро вкоренится, причинитъ пагубнѣйшія для арміи послѣдствія, нежели самый лютойшій непріятель. Смущеніе душевное и самая верховнѣйшая степень горести объемлютъ меня при семъ начертаніи—доносилъ князь Багратионъ—ибо совѣсть и званіе, на меня возложенное, долгъ и обязанность присяги принудили меня изобразить всѣ тѣ обстоятельства, которыя лишаютъ меня возможности отвѣтствовать за цѣлость и сохранность арміи. Я не сомнѣваюсь, что каждый, которому Ваше Величество мѣстное изслѣдованіе истины всего мною показуемаго поручить изволите, вскорѣ въ томъ удостовѣрится.“

Не нужно было посылать удостовѣряться въ справедливости словъ князя Багратиона. Князь Трубецкой, привезшій Багратиону рескриптъ императора Александра, въ то же время писалъ государю ⁽³⁹⁾:

„Изъ донесенія главнокомандующаго Ваше Величество усмотрѣть изволили, что повелѣнія ваши исполнены были въ точности. Мнѣ однакожь нельзя утаить отъ васъ, Государь, что они навлекли ему величайшее затрудненіе, ибо разстроили совершенно его планъ кампаніи. Нѣтъ, конечно, совершенной невозможности зимовать арміи на правой сторонѣ Дуная, но сіе не иначе можетъ исполниться, какъ съ величайшею потерею

⁽³⁹⁾ Отъ 25-го ноября изъ Гирсова. Арх. военно-топографическаго депо, № 50,295. Lit. С.

людей и съ истребленіемъ кавалеріи и подъемныхъ лошадей. Описаніе, которое главнокомандующій взялъ смѣлость представить, во всѣхъ частяхъ вѣрно.

„Невозможно, Государь, сдѣлать шагъ впередъ. Разоренное до основанія пространство земли на сто верстъ раздѣляетъ насъ съ непріателемъ. Сіи дефилеи суть ближайшіе къ намъ его пункты, на коихъ находятся только передовые посты Пегливана. Самъ же онъ съ 25,000 человекъ расположенъ позади Кузгуна. Визирь отступилъ къ Шумлѣ; армія его отдыхаетъ въ землѣ, снабженной всѣмъ нужнымъ. Въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ; когда по Дунаю идетъ ледъ, доставленіе провіанта еще труднѣе, чѣмъ теперь, и сообщеніе между обоими берегами бываетъ прервано. Способы, которые непріатель имѣетъ доставлять войска свои либо изъ Рущука въ Журжу, либо посредствомъ различныхъ оставшихся во владѣніи его острововъ, заставляютъ опасаться, чтобы, при открытіи кампаніи, большая часть нашей арміи не нашлась заключенною въ нынѣшней позиціи и чтобы главнокомандующій не принужденъ былъ тогда превратить плана наступательной войны въ оборонительный. Намѣреніе его было, по переправѣ черезъ Дунай, усилить осаду Браилова, а по взятіи сей крѣпости заняться осадкою Журжи, предпринять наступательныя дѣйствія въ Сербіи и сдѣлать приготовленія къ будущей кампаніи, которую онъ намѣревался открыть прежде разлитія Дуная.“

Между тѣмъ, 21-го ноября Браиловъ сдался на капитуляцію, заключенную между Эссеномъ 3-мъ и командовавшими браиловскимъ гарнизономъ пашею Абденъ-Рахманомъ и назыремъ Ахметъ-агою.

Войска, подъ командою Эссена 3-го, назначенныя къ осадѣ Браилова, были расположены лагеремъ въ трехъ отрядахъ: первый, при личномъ его присутствіи, подъ командою г.-м. князя Вяземскаго у Сербешти; второй, подъ командою г.-м. Колюбякина, при Визирскомъ бродѣ, а третій, подъ командою принца Карла Мекленбургскаго, при селеніи Одай-Визирлуй.

Получивъ приказаніе главнокомандующаго приступить къ формальной осадѣ крѣпости, Эссенъ 3-й перевелъ изъ отряда Вяземскаго, на правый берегъ рѣки Серета, одинъ баталіонъ пѣхоты съ артиллеріею и полкъ кавалеріи, приказавъ въ то же время построить у селенія Кетрой редутъ на 4 орудія, который и былъ занятъ двумя ротами Нейшлотскаго полка.

Ноября 2-го всѣ три отряда двинулись къ обложенію крѣпости. Первые два отряда, соединившись при деревнѣ Гамбешъ, построились въ боевой порядокъ и вступили въ лагерь, занятый передъ лѣвымъ полигономъ крѣпости, примыкая лѣвымъ флангомъ къ Дунаю.

Отрядъ принца Карла Мекленбургскаго расположился при урочищѣ Лакосалата. Наша флотилія, расположенная по Дунаю выше и ниже крѣпости и занимавшая всѣ протоки между находящимися противъ крѣпости островами, вечеромъ, приближаясь къ крѣпости, производила сильную канонаду, отъ дѣйствія которой были пожары въ городѣ.

Ноября 4-го Эссенъ началъ строить штернь-шанцы и готовилъ матеріялы для построения батарей. 7-го ноября былъ оконченъ первый штернь-шанецъ, а 12-го второй. Сильный морозъ и снѣгъ принуждали нѣсколько разъ останавливать работу. Увидя приготовленія къ осадѣ, браиловскій папа, вечеромъ 12-го числа, прислалъ къ Эссену 3-му договариваться о сдачѣ крѣпости, и хотя 13-го числа производились переговоры, но осадная артиллерія вступила въ лагерь. Переговоры продолжались цѣлую недѣлю, а въ промежуткахъ этого времени была заложена и совершенно окончена батарея противъ средней части крѣпости на 12 орудій осадной артиллеріи. Ноября 15-го Эссенъ требовалъ отъ назыря и папы рѣшительнаго отвѣта. Гарнизонъ просилъ о назначеніи полномочныхъ къ постановленію условій капитуляціи. Въ тотъ же день была заложена и построена въ теченіе ночи еще одна батарея на 12 орудій и обѣ батареи связаны траншеею. Эти батареи давали полную возможность дѣйствовать рѣшительно и принудили турокъ къ скорѣйшему заключенію капитуляціи. Ноября 21-го Браиловъ сдался, предоставивъ намъ всю артиллерію, въ числѣ 205 мѣдныхъ орудій, всѣ принадлежащія гарнизону знамена и большее количество военныхъ снарядовъ всякаго рода.

Въ 11 часовъ утра полномочные гарнизона вручили Эссену 3-му крѣпостные ключи, и въ то же время баталіонъ Архангелогородскаго и Смоленскаго полковъ вступилъ въ крѣпость, съ распущенными знаменами, и былъ встрѣченъ самимъ назыремъ Ахметъ-агою. Ключи Браилова были получены императоромъ Александромъ во время пребыванія его въ Москвѣ и, по его приказанію, отосланы въ тамошнюю оружейную палату, въ память высочайшаго въ Москвѣ пребыванія.

Паденіе Браилова было послѣднимъ трофеемъ князя Багратиона въ турецкой войнѣ. Теперь ему приходилось бороться со стихіями и чужими убѣжденіями. Всѣ иностранныя газеты наполнены были извѣстіями о томъ, что отступленіе князя Багратиона отъ Силистріи произошло отъ неудачи его подъ Татарицею, и выставляли сраженіе это совершенно нами проигранными. Такія извѣстія не могли не беспокоить Багратиона. Онъ былъ раздраженъ до крайности.

„Князь Трубецкой мнѣ сказалъ—писалъ онъ въ частномъ письмѣ Толстому ⁽⁴⁰⁾—что вы, почтенный мой другъ, присылаете книжку: рапортъ Румянцева и отвѣтъ покойной государыни. Покорно благодарю васъ за замѣтку... Я очень знаю, что Румянцевъ былъ умнѣе Багратиона. Онъ собралъ совѣтъ и перешелъ обратно; я ни того, ни другаго не сдѣлалъ, а слѣпо повинуюсь волѣ Монарха!

„Напрасно прислали: я давно читалъ и знаю содержаніе онаго. Благодарю душевно за подзорную трубку; но я не получилъ еще, равно и книжку. Прощайте. Вѣрьте мнѣ лучше чѣмъ *шовърицамъ*: оно полезнѣе будетъ. Они стелютъ мягко, но намъ спать жестко. Мнѣ кажется, лучше воевать противъ турокъ, чѣмъ противу меня и общаго блага.....

„Я здѣсь ближе всѣхъ и лучше зрю. На что вы мнѣ мѣшаете? что за польза? Зачѣмъ раскричались, что я отошелъ? Вотъ прогулка моя какова: Браиловъ палъ. Это не шутка: его никто не бралъ. Что онъ стоилъ намъ всегда? а теперь ни души. Лучше дайте мнѣ волю—лицомъ въ грязь не ударю; а если плясать и вѣрить чужеземцамъ, тогда я буду и трусь и нерѣшимъ, для того, что отнимаете всю мою вѣру и вѣрность. Это жалко, грустно, бесполезно, больно и вредно. Что за бѣда, что хотѣлъ перейти Дунай: военныя обстоятельства мгновенно перемѣняются. Мнѣ надо было такъ сдѣлать, и иначе не могу, и будетъ *зеръ-шлехтъ*. Прощайте. Пусть другой бы сдѣлалъ сіе въ три мѣсяца... Я знаю много храбрыхъ издали и послѣ баталіи. Прошу Торнео и Аланда въ примѣръ не ставить,—совсѣмъ нѣтъ. Есть вещи невозможныя. Почему въ Египтѣ не держался Наполеонъ, а ушелъ и погибель стало (быть) неизбѣжна была.... Напрасно васъ обманываютъ и льстятъ для погибели нашей, что турокъ не много. Неправда:

(40) Отъ 23-го ноября. Арх. военно-топографическаго депо, № 50,295 Lit. С.

ихъ очень много, и нѣтъ того, что бывало. Визирь этотъ самый, который былъ въ Египтѣ и билъ... я его не боюсь, онъ меня уважаетъ, такъ, какъ я располагалъ; а теперь уже онъ мною будетъ повелѣвать, и я въ томъ, право, виноватъ не буду. За мною дѣло не станетъ—трусомъ не бывалъ—но хотѣть, чтобы я былъ трусъ—понять не могу, что за выгода. Граница или дистанція моя велика; арміею ворочать не баталіономъ; въ одну позицію *влюбляться* вредно. Прошу одной милости—дать мнѣ волю или вольность, иначе истинно принужденъ буду по крайности духа и тѣла моего остаться и просить извѣщенія. Вотъ вамъ, ваше сіятельство, мое чистосердечіе. Весь вашъ.

„P. S. Мнѣ кажется, общее благо должно совѣститъ каждаго не быть довольнымъ тѣмъ завоеваніемъ, что я сдѣлалъ въ короткое время. Билъ въ полѣ, шелъ донельзя, важныя крѣпости взялъ, мосты построилъ, теперь занимаюсь къ веснѣ строить суда для транспортовъ. Три года армія стояла здѣсь неподвижно. Погибло на штурмѣ Браилова до 5,000, въ Кладовѣ до 2,000 и въ разныхъ мѣстахъ, а ничѣмъ никто не занимался. Государственный канцлеръ мною недоволенъ, невѣдомо за что. Я отъ него никакихъ депешъ не имѣю; стало быть трудно и отгадать его намѣреніе. Онъ говоритъ, что я былъ въ Варнѣ—отроду не бывалъ; былъ въ Коварнѣ, это правда, но Варна и Коварна это разница. Флота на Черномъ морѣ я не имѣю, хотя и должно; о томъ только и думаю. Виноватъ ли я, что въ 24 часа не могу побѣдить Оттоманскую Порту? Прежнія войны длились по нѣскольку лѣтъ, имѣя при томъ союзниковъ, и оканчивались почти ничѣмъ при мирѣ. А нынѣ я одинъ, флота нѣтъ, а можетъ быть и требованія наши такіа, что не только туркамъ можно скоро согласиться, а можетъ быть и другіе ихъ на сіе не допустятъ. Очень хорошо: дайте мнѣ 50,000 кавалеріи и столько пѣхоты—я на будущей кампаніи заставлю ихъ вѣрно. Иначе невозможно. Для великихъ дѣлъ надо великіе способы: иначе далеко не уйдешь. Я смѣло и торжественно скажу, что никому не удалось такую кампанію, какъ нынѣшняя. Если недоволены, я сожалею и охотно отдамъ другому, а самъ останусь какъ прапорщикъ. Я весьма благодаренъ и признателенъ, а яко человекъ, а не Богъ, многого не разумѣю. Пусть лучший пріѣдетъ: я докажу, что умѣю повиноваться.“

Отрывистый слогъ письма, желаніе нѣсколько разъ его

окончить показываютъ то состояніе духа князя Багратіона, которое руководило его перомъ 23-го ноября.... Главнѣйшею заботою главнокомандующаго было собрать и запастись достаточнымъ количествомъ провіанта и фуража и успѣть перевезти его къ арміи прежде нежели морозы и льды воспрепятствуютъ переправѣ черезъ Дунай и другія рѣки. Не одинъ Дунай рождалъ препятствія къ снабженію арміи продовольствіемъ, но и всѣ прочія рѣки, какъ-то: Сереть, Бузео, Яломица, которыя весьма часто и мгновенно разливаются, сносятъ мосты и могли прекратить сообщенія дня на два, а иногда и на цѣлую недѣлю. Въ такихъ случаяхъ очень естественно транспорты должны были терпѣть остановку, а можетъ быть и вовсе не доходить до арміи. Все зависѣло отъ доставки, слѣдовательно отъ путей сообщенія. Валахскіе и молдавскіе магазины хотя и были полны, но вся трудность состояла въ доставленіи оттуда къ арміи назначенныхъ въ перевозку: муки 40,000, крупъ 3,300, овса 95,000 четвертей и сѣна трехъ милліоновъ пудовъ. Для усиленія средствъ продовольствія, первыя распоряженія князя Багратіона состояли въ томъ, что онъ приказалъ наряжать обывательскія подводы въ Молдавіи и Валахіи. Эти княжества, обремененныя непрерывными перевозками продовольствія для арміи, не успѣли засѣять своихъ полей, отчего Валахія, напримѣръ, въ теченіе всего 1809 года не могла поставить ни одной четверти ячменя. Въ 1808 году оба княжества поставили безденежно слишкомъ 300,000 четвертей хлѣба; въ 1809 году они не могли поставить болѣе 72,000 четвертей. Хотя главнокомандующій и приказалъ наряжать обывательскія подводы, но былъ убѣжденъ, что изъ числа употребленныхъ въ перевозку воловъ только пятая часть ихъ останется въ живыхъ, и тогда при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ будущей кампаніи нельзя было рассчитывать на пользованіе перевозочными средствами княжествъ, безъ которыхъ мы не могли обойтись, такъ какъ другихъ у насъ вовсе не было ⁽⁴¹⁾.

Въ виду этого и для облегченія обывателей, князь Багратіонъ отослалъ вагенбургъ въ Слободзею, а лошадей изъ-подъ него приказалъ употреблять для перевозки сѣна на правый берегъ Дуная, забирая обывательскія каруцы и повозки изъ ваген-

(41) Багратіонъ къ графу Аракчееву отъ 22-го ноября, № 169.

бурга. Для такого же употребленія онъ обратилъ лошадей и фуры нѣкоторыхъ валахскихъ госпиталей, нанимая лошадей по вольной цѣнѣ; ту же самую цѣну онъ предлагалъ и полковымъ командирамъ, если они согласятся дать подъемныхъ лошадей. Затѣмъ онъ приказалъ: 1) оставить при арміи на правомъ берегу Дуная какъ можно менѣе офицерскихъ и артельныхъ лошадей; 2) по затрудненію офицерамъ доставать жизненные припасы, производить имъ солдатскую дачу провѣнта и мясную порцію; 3) вмѣсто вина, котораго достать было чрезвычайно трудно, отнуждать деньгами, считая за ведро по три рубля серебромъ, и, наконецъ, 4) строить въ полкахъ землянки и шалаши изъ намыша по произволу полковыхъ командировъ, какъ кто для себя найдетъ выгоднѣйшимъ.

Всѣ эти распоряженія, къ крайнему прискорбію князя Багратиона, были во многомъ парализованы. Двадцать курьеровъ повезли въ разные стороны приказанія главнокомандующаго, но на пути встрѣтили такіа затрудненія, о которыхъ никто не думалъ. Дороги до того испортились, что, напримѣръ, курьеръ, отправившійся изъ Гирсова въ Яссы, вмѣсто трехъ дней, употребилъ на поѣздку девять дней. Фельдъегерь, отправленный съ донесеніемъ къ императору Александру, могъ прибыть въ Яссы только въ ночь на седьмой день, несмотря на подтвержденіе какъ можно скорѣе везти депеши. Испорченность дорогъ имѣла слѣдствіемъ, что обывательскія подводы, наряженныя для перевозки продовольствія, прибывали весьма медленно къ магазинамъ. Причиною медленности, кромѣ дурныхъ дорогъ, была также и обширность края, изъ котораго наряжались подводы, большое разстояніе до магазиновъ и наконецъ малая дѣятельность гражданскаго правительства Молдавіи и Валахіи, привыкшаго исполнять все исподоволь и соображаясь съ своими собственными выгодами. Искоренить это зло князь Багратионъ не имѣлъ возможности, тѣмъ болѣе, что онъ самъ ни разу не объѣхалъ края. Отправившись изъ магазиновъ, транспорты встрѣчали на пути своемъ безпрестанныя остановки отъ разлитія рѣкъ: Серета, Милькова, Рымника, Бузео и Яломицы, на которыхъ были снесены всѣ мосты и паромы, и каждая изъ нихъ на пространствѣ отъ Бырлата и Фокшанъ до Гирсова останавливала транспорты на неопредѣленное время. Перевозка хлѣба назначена была изъ магазиновъ фок-

шанскаго, бырлатскаго, формозскаго и ясскаго. При глубокой грязи, волю могли дѣлать не болѣе пяти верстъ въ сутки, а недостатокъ корма причинялъ весьма значительный падежъ не только между обывательскими волами, но и волами подвижнаго магазина, такъ что всѣ дороги, по которымъ шли транспорты, были завалены падалью. Многіе обыватели оставляли транспорты, бросали воловъ и фуры, спасаясь сами бѣгствомъ.

„Сіе есть истинное и ни малымъ чѣмъ не увеличенное изображеніе настоящаго моего положенія—доносилъ князь Багратионъ.—Оно представляетъ мнѣ, съ одной стороны, совершенную невозможность приготовить здѣсь не только шестидесячный, но даже и двухмѣсячный запасъ для продовольствія находящихся здѣсь двухъ корпусовъ.“

„Имѣя все сіе въ виду — писалъ князь Багратионъ графу Румянцеву—и соображая всѣ обстоятельства, по крайнему моему разумѣнію, съ существенною пользою государственною и съ дѣйствительными успѣхами въ военныхъ операціяхъ, предполагалъ я было перейти съ арміею на лѣвый берегъ Дуная, привести ее въ надлежащее и совершенное устройство и нанести потомъ визирю тѣ удары, которые могутъ въ самомъ дѣлѣ приблизить насъ къ желаемой цѣли. Но теперь, оставаясь здѣсь (въ Гирсовѣ), я ни за что отвѣтствовать не могу: армія день ото дня все болѣе истощается и приходитъ въ изнуреніе, визирь находится въ Шумлѣ; вслѣдъ за нимъ идти я не могу, ибо въ пути уморю армію съ голоду. Провождая здѣсь, въ степи, и въ недостаткѣ самое драгоцѣнное время, для приведения войскъ въ исправность, я вопрошаю: съ какими войсками пойду я навстрѣчу превосходнымъ силамъ непріятельскимъ и какую могу имѣть надежду поразить его? Итакъ, не стыднѣ ли для насъ будетъ на веснѣ быть пораженными, или вести войну только оборонительную, нежели теперь оставить сіи пустыя мѣста, куда и самъ непріятель не придетъ, зная, что не найдетъ тутъ ни пристанища, ни продовольствія? Не довольно того: вамъ извѣстно, что визирь всячески избѣгаетъ генеральной баталіи; если я пойду отсюда противъ его, то истощу войска, мною предводимыя, а онъ въ состояніи будетъ, раздѣлясь, занимать всюду укрѣпленные мѣста; а потому не лучше ли идти прямымъ и ближайшимъ путемъ съ праваго моего фланга и

стараться напасть на него внезапно? Одинъ сей способъ представляеть мнѣ надежду къ счастливымъ успѣхамъ.“ (42)

Явная невозможность продовольствовать армию на правой сторонѣ Дуная не составляла еще исключительнаго неудобства. Кромѣ недостатка въ пищѣ, люди, отъ сырости въ землянкахъ, въ которыхъ должны были проводить зиму, отъ непогоды, отъ неимѣнія дровъ и одежды, увеличивали значительно число больныхъ. Ежедневно уходило до 200 человекъ въ больницы и госпитали, такъ что числительный составъ войскъ постепенно уменьшался. Климатъ, способствующій развитію скорбута и всякаго рода лихорадокъ, грозилъ развитіемъ этихъ болѣзней и образованіемъ значительнаго числа неспособныхъ.

Излагая претерпѣваемые войсками бѣдствія, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, князь Багратионъ находилъ возвращеніе свое на лѣвый берегъ Дуная необходимымъ даже и по военнымъ причинамъ. Послѣ покоренія Браилова, онъ считалъ лѣвый свой флангъ совершенно обезпеченнымъ. Верховный визирь съ арміею удалился въ Шумлу. Если бы онъ и оставался въ Гирсовѣ всю зиму, то главнокомандующій не находилъ возможнымъ начать военныхъ дѣйствій прежде открытія подножнаго корма. Сверхъ того, ему пришлось бы тогда слѣдовать сперва голыми степями до Силистріи, обогнуть эту крѣпость по ущельямъ и горамъ и сдѣлать большой и тяжелый для войскъ переходъ, прежде нежели онъ могъ достигнуть арміи турецкой. Утрата въ этомъ случаѣ времени и напрасное обремененіе войска были очевидны. Напротивъ того, перейдя весною у Журжи и наступая прямымъ путемъ на Шумлу, князь Багратионъ имѣлъ возможность дѣйствовать прямо на центръ непріятельскихъ силъ и тѣмъ скорѣе достигнуть желаемой цѣли.

„Всѣ сіи обстоятельства — доносили онъ императору Александру (43) — побуждаютъ меня просить о всемилостивѣйшемъ позволеніи арміи, мнѣ вѣренной, перейти на лѣвый берегъ Дуная... Но если, къ несчастію моему, лишился я довѣренности Вашего Величества, въ такомъ случаѣ, повергаясь къ священнымъ стопамъ вашимъ, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить объ опредѣленіи на мѣсто мое другаго, который бы,

(42) Отъ 13-го декабря 1809 года, № 1,230. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

(43) Отъ 5-го декабря, ва № 1,211.

при видѣвшихъ способностяхъ воинскихъ, съ большею пользою и успѣхами могъ предводительствовать армію. Съ моей стороны готовъ я продолжать служеніе, по мѣрѣ силъ и способностей моихъ, въ томъ званіи, въ которомъ Вашему Величеству благоугодно будетъ, и подъ начальствомъ того, котораго къ главному надъ армію командованію достойнѣйшимъ признать изволите. Послѣдняя капля крови принадлежитъ вамъ, и я почитаю самымъ большимъ благополучіемъ жертвовать оною въ служеніи Вашему Величеству.“

Въ то же время Багратіонъ просилъ графа Арачеева оказать ему „величайшую услугу“ и благодѣяніе арміи прибытіемъ своимъ въ главную квартиру или присылкою довѣреннаго чиновника, „дабы лично и на мѣстѣ удостовѣриться въ истинѣ всего мною показуемаго“.

„Впрочемъ, долженъ я еще сказать, что если представленія мои признаются вѣры недостойными, въ такомъ случаѣ для службы и интересовъ государственныхъ полезнѣе поручить главное начальство надъ армію другому, который бы пользовался довѣренностью, поелику главнокомандующимъ безъ довѣренности монаршей быть нельзя.“ (44)

Всѣ донесенія князя Багратіона и его частныя письма заставили императора Александра въ Москвѣ. Онъ читалъ какъ офиціальную, такъ и частную переписку и все еще не рѣшался согласиться на обратный переходъ нашихъ войскъ за Дунай. Письмо государственнаго канцлера убѣдило его въ необходимости дать позволеніе.

„Я нынѣ во второй разъ—писалъ Румянцевъ отъ 6-го декабря — прочелъ сообщенное ко мнѣ отъ военнаго министра, по повелѣнію Вашего Величества, донесеніе князя Багратіона отъ 17-го ноября.

„Я не сомнѣваюсь, Государь, въ томъ, что единое средство, которое осталось—позволеніе немедленно князю Багратіону, по представленію и предположенію его, переправиться по сю сторону Дуная, приготовиться къ новой переправѣ весною и овладѣть небольшимъ числомъ крѣпостей, оставшихся у турокъ въ Молдавіи и Валахіи по обѣимъ сторонамъ сей рѣки.

„Я не признаю, Государь, средства сего за лучшее, но вижу, что кромѣ его никакого другаго нельзя предпринять, и, основны-

(44) Арх. военно-топографическаго депо, № 50,295. Lit. С.

ваясь на умныхъ распоряженіяхъ и усмотрѣніи главнокомандующаго арміею; полагаю, что всякое другое предпріятіе будетъ пагубно.“ (45)

Письмо это было получено и прочтено Александромъ 11-го декабря, а 12-го числа состоялся указъ на имя князя Багратіона, которымъ императоръ разрѣшалъ исполнить всё предположенія главнокомандующаго, оставаясь въ надеждѣ и увѣренности, что Багратіонъ откроетъ военныя дѣйствія съ наступленіемъ ранней весны, что „становится въ разсужденіи политическихъ обстоятельствъ часть отъ часу необходимѣе“. (46)

Графу Аракчееву было поручено сообщить князю Багратіону, что императоръ считаетъ необходимымъ, по возвращеніи арміи изъ-за Дуная, удержать заняты уже тамъ укрѣпленныя мѣста, какъ-то: Мачинъ, Тульчу и Гирсово, особенно послѣднее.

„Если сіе найдете вы возможнымъ, то необходимо уже, чтобы оное было исполнено такимъ образомъ, чтобы занимаемая нами мѣста могли противостоять непріятельскимъ нападеніямъ.“ (47)

Декабря 24-го получилъ князь Багратіонъ высочайшее повелѣніе, и армія немедленно двинулась въ обратный путь изъ-за Дуная. Послѣднія части переправились 3-го января 1810 года. На правомъ берегу оставленъ былъ графъ Каменскій, съ 15-ю баталіонами и пятью казачьими полками. Всё войска, пришедшія на лѣвый берегъ Дуная, расположились на зимовья квартиры слѣдующимъ образомъ: графъ Ланжеронъ, съ своимъ корпусомъ, въ Яссахъ, Эссенъ — въ Бырладъ, Платовъ — въ Рымникъ, Засъ — въ Букарестъ.

Такъ кончилась кампанія 1809 года, достойная вниманія только по движенію и дѣйствію войскъ, но не приведшая Россію ни къ какому положительному результату. Вопросъ о томъ: *быть* или *не быть*, не былъ еще рѣшенъ; а рѣшеніе его было очень нужно и весьма кстати нашему правительству. Если мы не могли склонить турокъ къ миру въ то время, когда турецкія крѣпости падали одна за другою, когда мы были внут-

(45) Изъ С.-Петербургa. Арх. военно-топографическаго депю, № 113.

(46) Высочайшій указъ отъ 12-го декабря. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

(47) Графъ Аракчеевъ къ князю Багратіону отъ 12-го декабря, № 248. Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ.

ри владѣній Порты, то трудно было надѣяться на успѣхъ переговоровъ тогда, когда мы отступили и перешли на лѣвую сторону Дуная. Петербургскій кабинетъ, такъ много полагавшій надежды на дѣйствія князя Багратіона и ожидавшій такъ много отъ кампаніи 1809 года, долженъ былъ, вмѣстѣ съ отступленіемъ войскъ, потерять всякую вѣру въ лучший исходъ въ будущемъ. Но почему? Потому что ему нетрудно было угадать—и онъ не ошибся въ томъ— что 1809 годъ былъ для Россіи такимъ годомъ, въ которомъ ея положеніе въ ряду европейскихъ державъ было наилучшее. Раньше этого года Россія въ такомъ выгодномъ положеніи давно не была, а въ будущемъ, по самому теченію политическихъ дѣлъ, трудно было предвидѣть что-либо лучшее.

Кончивъ кампанію 1809 года, въ слѣдующемъ году, при открытіи новой, необходимо было повторять зады, проходить и драться на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ уже проходили и дрались русскія войска нѣсколько разъ. Ободренная нашимъ отступленіемъ, Порта Оттоманская дѣлала сильныя приготовленія къ продолженію войны. Она твердо рѣшилась держаться союза съ Англіею и офиціально заявила о томъ французскому повѣренному въ дѣлахъ.

— Вы насъ увѣряете въ дружбѣ Франціи—говорили члены дивана Латуръ-Мобуру, на одной изъ конференцій ⁽⁴⁸⁾— и въ ея преданности или расположеніи къ нашимъ интересамъ; однако же мы читаемъ въ газетахъ совершенно противное. Императоръ Наполеонъ поздравляетъ Россію съ пріобрѣтеніемъ Молдавіи и Валахіи и кончаетъ угрозою намъ за то только, что мы не желаемъ слѣдовать его волѣ.

Сконфуженный Латуръ-Мобуръ, не зная что отвѣчать, обѣщаль спросить свой дворъ офиціально о справедливости публикуемыхъ извѣстій.

— Имѣя основаніемъ—продолжали члены дивана—дружественныя отношенія ко всѣмъ державамъ, Порта сохраняетъ ихъ къ англичанамъ въ особенности, потому что не желаетъ вовсе увеличивать числа своихъ непріятелей.

Эти слова доказывали окончательное рѣшеніе турецкаго правительства сохранить союзъ съ Англіею. Рѣшительные отвѣты должны были возбуждать и рѣшительныя дѣйствія. На

(48) Extrait de la lettre secrète de Constantinople du 8 fevrier 1810.

самомъ дѣлѣ такъ и было. Одинъ фирманъ за другимъ призывалъ правовѣрныхъ на бой съ Россією. Что было только святаго для мусульманина, все затронуто въ фирманахъ. Во всѣ концы полетѣли курьеры съ предложеніемъ султана папшамъ Албаніи, Румелии, Сереса и др. набирать войска и отправлять въ армію верховнаго визиря. Словомъ, говоритъ корреспондентъ: „Il n'est plus à douter que la Porte fait tous ses efforts dans ses préparatifs militaires, car elle vient déxpedier des firmans terribles partout pour cet effet.“ (49)

И. ДУБРОВИНЪ.

(49) Арх. министерства иностранныхъ дѣлъ, № 72. Т. е. „Нѣтъ болѣе сомнѣнія въ томъ, что Порта напрягаетъ всѣ свои усилія въ военныхъ приготовленіяхъ, потому что разсланы, по этому предмету, всюду грозные фирманы“.
